

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему: «Процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики»

Выполнила:

слушатель 5 курса 161 уч. гр.,
спец. Правовое обеспечение национальной безопасности, 2016 г. набора,
младший лейтенант полиции
Кузьмина Ирина Сергеевна

Руководитель:

Доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
подполковник полиции
Богаткина Руфия Шафкатовна

Рецензент:

Следователь по особо важным делам
следственной части следственного
управления УМВД России по г. Казани
майор юстиции
Меховникова Юлия Геннадьевна

Дата защиты: «___» _____ 2021 г. Оценка _____

Казань 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
§1. Правовое регулирование процессуального статуса подозреваемого в Российской Федерации.....	7
§2. Институт подозреваемого в законодательстве зарубежных стран.....	24
ГЛАВА 2. ОБВИНЯЕМЫЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	
§1. Понятие обвиняемого и его процессуально-правовой статус в уголовном процессе Российской Федерации	32
§2. Международно-правовые нормы и стандарты по обеспечению прав обвиняемого и их отражение в законодательстве Российской Федерации.....	40
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ (ОБВИНЯЕМОМУ) ПРАВА НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
§1. Реализация подозреваемым (обвиняемым) права на защиту в отсутствии защитника	50
§2. Право подозреваемого(обвиняемого) на защиту в случаях обязательного участия защитника	63
§3. «Двойная защита» в российском уголовном судопроизводстве.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	84

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одним из основных объектов повышенного внимания со стороны любого правового государства, требующего в отношении себя эффективной защиты, безусловно выступает институт обеспечения прав личности, человека и гражданина. Изменения, произошедшие в конце прошлого века в общественной, политической и государственной областях жизнедеятельности российского общества сформировали не только новую политическую систему, но и потребовали пересмотреть многие положения правовой сферы, в том числе уголовно-процессуальной.

В рамках уголовного процесса функционирует различные участники, некоторые из которых, на определенных этапах расследования, могут менять свой статус. Наибольший интерес в рамках настоящего исследования представляет правовое положение подозреваемого, то есть лица, которому обвинение еще не предъявлено, но есть основания полагать его причастность к совершению конкретного преступному деянию, и правовое положение обвиняемого. Пребывание в статусе подозреваемого требует не только установления истинной причастности лица к преступлению, но и обеспечения его защиты с целью предостережения незаконного обвинения.

Конституция Российской Федерации¹ содержит достаточно широкий спектр гражданских прав подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. Появились принципиально новые новеллы, такие как о презумпции невиновности (ст. 49), о запрете использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ст. 50), о праве на получение квалифицированной юридической помощи, о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей и другие, но, тем не менее, некоторые положения Конституции Российской Федерации выполняются в настоящее

¹ Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

время только «на бумаге».

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, относящиеся к правовому статусу подозреваемого (обвиняемого), отражались в работах многих отечественных юристов и практиков. Среди тех, кто занимался проблемой правового положения подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе можно отметить М.З. Абесалашвили, В. Бойкле, В.С. Власенко, Л.В. Головки, А.В. Гриненко, Н.С. Ермишина, Э.К. Кутуев, Д.Е. Оборий, П.А. Смирнов, А.А. Терегулова, А.С. Шаталов, И.Н. Чеботарева и других.

Однако, не снижая ценности и значимости результатов научных разработок указанных авторов, следует признать, что большинство из них создавались в условиях не только иной общественно-экономической и политической обстановки, но и в период действия иного законодательства. Эти обстоятельства позволяют говорить о необходимости дальнейшего изучения рассматриваемых вопросов, с целью выявления проблем в правоприменительной практике и теории и формированию конкретных предложений способных скорректировать решение при их наступлении.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе признания лица подозреваемым, обвиняемым в уголовном процессе и защиты подозреваемым, обвиняемым своих прав.

Предмет исследовательской работы: порядок признания лица подозреваемым и обвиняемым, нормы федеральных законов, ведомственных нормативных актов, регулирующие деятельность субъектов уполномоченных производить предварительное расследование.

Цель работы состоит в исследовании особенностей процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

– рассмотреть правовое регулирование процессуального статуса подозреваемого в Российской Федерации;

- охарактеризовать институт подозреваемого в законодательстве зарубежных стран;
- изучить понятие обвиняемого и его процессуально-правовой статус в уголовном процессе Российской Федерации;
- проанализировать международно-правовые нормы и стандарты по обеспечению прав обвиняемого и их отражение в законодательстве Российской Федерации;
- представить анализ реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту в отсутствие защитника;
- провести анализ права подозреваемого (обвиняемого) на защиту в случаях обязательного участия защитника;
- исследовать особенности «двойной защиты» в российском уголовном судопроизводстве.

Методологической базой исследования являются всеобщий философский (диалектический) метод познания, а также другие доступные юридической науке общие и частные методы: системный, структурного анализа, сравнительно-правовой, логический, формально-юридический, статистический и другие.

Нормативно-правовая основа исследования включает в себя положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, иные Федеральные законы, а также материалы правоприменительной практики.

Теоретическую базу работы составляют научные труды отечественных авторов в области уголовно-процессуального права, а также теоретические и практические разработки, посвященные проблемам предварительного расследования и роли подозреваемого (обвиняемого) в них.

Эмпирическую базу исследования составили постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления и определения Верховного Суда Российской Федерации, а также судов общей юрисдикции, официальные статистические данные, материалы, исследованные в ходе прохождения практики, а также информация сети Интернет,

затрагивающая различные аспекты исследуемой проблематики

Структура работы обусловлена поставленными целью и задачами и состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

§ 1. Правовое регулирование процессуального статуса подозреваемого в Российской Федерации

Российская Федерация, являясь демократическим и правовым государством, стремится посредством правовых предписаний и законодательных гарантий обеспечить права и законные интересы лиц, втянутых в публичные правоотношения.

В связи с этим, все участники уголовного судопроизводства, под которыми уголовно-процессуальный закон понимает лиц, принимающих участие в уголовном процессе¹, наделены определенными правами, позволяющими отстаивать свои законные интересы, а также некоторыми обязанностями, в зависимости от процессуального положения.

Одним из участников уголовного судопроизводства, который имеет закрепленный в уголовно-процессуальном законе процессуальный статус, выступает подозреваемый. Объясняется это необходимостью обеспечения данного лица самым широким комплексом прав и гарантий для защиты от возможного незаконного и необоснованного уголовного преследования.

По этой причине правовое регулирование данного процессуального статуса происходит на самом высоком уровне. Так, статьи 48-51 Конституции РФ² отражают основные права подозреваемого. Однако, основной массив прав

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52. Ст. 4921.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. № 237. 1993. 25 декабря.

данного лица отражен в уголовном-процессуальном законе РФ.

Необходимо также отметить, что процессуальный статус, выступая разновидностью статуса правового, представляет собой юридическую конструкцию, включающую в себя права, обязанности и полномочия, определяемые ролью и местом лица в уголовном процессе.

В связи с этим вполне можно согласиться с мнением С.И. Пономаренко, который считает, что структура процессуального статуса подозреваемого состоит из понятия; его прав и опосредованных ими гарантий; а также обязанностей¹. Именно данной структуры процессуального статуса подозреваемого автор будет придерживаться в ходе его дальнейшего изучения и анализа.

Начиная изучение процессуального статуса подозреваемого с понятия, необходимо обратиться к статье 46 УПК РФ, которая регулирует его процессуальное положение.

Согласно части 1 статьи 46 УПК РФ подозреваемым является лицо: либо в отношении которого возбуждено уголовное дело; либо которое задержано в соответствии со статьями 91-92 УПК РФ; либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения; либо которое уведомлено о подозрении в соответствии со статьей 223.1 УПК РФ.

Исходя из подобной формулировки, можно сказать, что законодатель не раскрывает признаки подозреваемого, а лишь перечисляет процессуальные решения и процессуальные действия при принятии и совершении которых следователь (дознаватель) наделяет конкретное лицо данным статусом.

Однако, подобный промах со стороны законодателя относительно успешно устранен положениями уголовно-процессуальной науки, в рамках которой разработаны доктринальные дефиниции термина «подозреваемый».

Например, П.А. Смирнов полагает, что подозреваемый это лицо, непосредственно вовлеченное в уголовное судопроизводство правомочным на

¹ Пономаренко С.И. Современное содержание статуса подозреваемого в уголовном процессе РФ // «Символ науки». 2015. № 9. С. 120.

то органом в связи с проверкой предположения о его причастности к деянию, содержащему признаки преступления, на основании сведений по уголовному делу, до выдвижения против него обвинения¹.

В свою очередь, А.А. Терегулова предлагает понимать под подозреваемым лицо в отношении которого следователем по находящемуся в его производстве уголовному делу выдвинуто и изложено в определенных процессуальных документах обоснованное предположение о совершении этим лицом преступления, и предприняты определенные действия, направленные на его изобличение².

Несмотря на схожесть данных дефиниций, они имеют один признак, кардинально отличающий их друг от друга. Так, если первый автор считает, что момент появления подозреваемого связан с проведением проверки предположения о причастности лица к преступлению, то второй автор настаивает, что данное предположение уже должно быть обоснованно на момент принятия соответствующего решения.

Этим же автором выделяются несколько признаков подозреваемого, а именно: наличие подозрения; подтверждение подозрения доказательствами по уголовному делу; вовлечение лица в уголовно-процессуальную деятельность с целью проверки данного подозрения³.

Таким образом, для признания лица подозреваемым необходимо сформировать подозрение на основании доказательств, собранных по уголовному делу.

Данная правовая категория также не нашла четкого отражения в уголовно-процессуальном законодательстве, тем не менее многие ученые-процессуалисты отмечают наличие прямой связи между подозрением и подозреваемым.

Так, М.З. Абесалашвили полагает, что для признания лица подозреваемым

¹ Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе: автореф. дис...канд. юрид. наук. – М., 2003. С. 17.

² Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: автореф. дис...канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 12.

³ Там же.

необходимо наличие материального основания, выраженного в сформированности подозрения у компетентного лица и процессуального основания, выраженного в доказательствах по уголовному делу, которые данное подозрение подтверждают¹.

В.С. Власенко в своем диссертационном исследовании и вовсе сформулировал определение подозрения как предположения следователя, разрешающего вопрос о возбуждении уголовного дела либо производящего расследование, о виновности лица в совершении конкретного преступления, основанного на фактических данных, недостаточных для предъявления обвинения, обязывающее данное лицо наделять статусом подозреваемого для обеспечения его прав и свобод².

Необходимо отметить и то, что несмотря на отсутствие четкого определения в УПК РФ, законодатель довольно часто использует термин «подозрение». Например, в части 2 статьи 148 УПК РФ говорится об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении лица, в связи с его неподтверждением подозрения в совершении им преступления; статья 91 УПК РФ закрепляет подозрение как основание для задержания, а статьи 103-105 УПК РФ и вовсе ставят в один ряд термины «подозрение» и «обвинение».

Подобная формулировка дает основание полагать об их идентичной правовой природе, в связи с чем автор предлагает обратиться к определению обвинения, которое имеется в уголовно-процессуальном законе.

Согласно положению пункта 22 статьи 5 УПК РФ, обвинение - это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ.

Обвинение представляет из себя составную часть уголовного преследования, направленного на изобличение лица, совершившего преступление. Более того, обвинение является если не конечной точкой данной

¹ Абесалашвили М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса: автореф. дис...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 8.

² Власенко В.С. Основания признания лица подозреваемым в уголовном процессе: автореф. дис...канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. С. 13.

процессуальной деятельности, то хотя бы одним из завершающих этапов.

На основании этого можно сказать, что подозрение является первичной конструкцией обвинения. Подозрение — это также этап по изобличению лица в совершении преступления, однако оно не так конкретизировано и не носит утвердительного характера – это всего лишь предположение о том, что лицо совершило преступление.

На вероятностный характер подозрения указывает и Европейский Суд по правам человека, подчеркивая, что для совершения определенных действий и принятия процессуальных решений не требуется наличия доказательств, необходимых для предъявления обвинения, а достаточно сведений, подтверждающих разумность подозрения¹.

Таким образом, подозрение, выраженное посредством сведений, находящихся в уголовном деле, является необходимым элементом и основанием для наделения лица процессуальным статусом подозреваемого.

Однако, в статье 46 УПК РФ отсутствует указание на необходимость формирования подозрения, что породило различные точки зрения среди ученых-процессуалистов по поводу состоятельности той системы процессуальных действий и решений, которыми лицо ставится в статус подозреваемого.

Так, С.И. Пономаренко считает, что установление причины наделения лица статусом подозреваемого через основания возбуждения уголовного дела, либо применения меры пресечения не является успешной правовой конструкцией, поскольку не отвечает той логике, которая заложена по отношению к остальным участникам уголовного судопроизводства².

Р.Э. Ахметшин также подчеркивает, что отсутствие указания на

¹Дело Гусинский (Gusinskiy) против Российской Федерации (жалоба № 70276/01) «По делу обжалуется незаконное заключение под стражу заявителя. По делу допущено нарушение статьи 5 и статьи 18, взятой в совокупности со ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Постановление ЕСПЧ от 19.05.2004 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2005. № 2. С. 62.

² Пономаренко С.И. Понятие подозреваемого в уголовном процессе России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С. 35.

подозрение как на причину наделения лица процессуальным статусом, выступает ни чем иным как недостатком законодательства, который может повлечь принятие незаконных и необоснованных решений¹.

В свою очередь, Е.В. Сопнева, не ставя под сомнение наличие законодательного требования об установлении обоснованного подозрения для признания лица подозреваемым, подчеркивает то, что при принятии решений, указанных в части 1 статьи 46 УПК РФ, лицу не раскрывается сущность подозрения – исключение составляет уведомление о подозрении, но его применение возможно лишь в дознании².

Иную точку зрения занимает А.В. Рудин, полагающий, что все основания признания лица подозреваемым скрывают под собой главное условие его появления – наличие подозрения³.

По мнению автора, все процессуальные решения и действия, указанные в части 1 статьи 46 УПК РФ, требуют наличия подозрения, что законодательно отражено в тех нормах, которые регулируют порядок их принятия или совершения.

Как отмечалось ранее, для задержания лица в соответствии со статьей 91 УПК РФ требуется подозрение, подтвержденное обстоятельствами, закрепленными в части 1 данной статьи: обнаружение лица на месте совершения преступления; указание потерпевшего или очевидцев на данное лицо, как на совершившее преступление; обнаружение явных следов преступления на лице, в его одежде, в жилище или при нем. Часть 2 статьи 92 УПК РФ, в свою очередь, требует отражения в протоколе задержания мотивов и оснований его производства.

Необходимо отметить и то, что в статье 101 УПК РФ установлено, что в постановлении об избрании меры пресечения должно иметься указание на

¹ Ахметшин Р.Э. Проблемы понятия «подозреваемый» в уголовном процессе // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4. С. 528.

² Сопнева Е.В. Определение подозреваемого лица в уголовном процессе: современное и возможное состояние // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 74.

³ Рудин А.В. Проблемы признания лица подозреваемым в уголовном процессе // Аллея наук. 2018. № 4. С. 14.

преступление, в котором подозревается лицо¹.

Более того, в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 года № 41 разъяснено, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возможно лишь после проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению².

Считаем, данное разъяснение относится не только к заключению под стражу, но также и к иным мерам пресечения, закрепленным в УПК РФ.

Если говорить о возбуждении уголовного дела в отношении лица, а также об уведомлении лица о подозрении, то в данном случае подозрение как основание надления статусом подозреваемого имеет наиболее четкое выражение в описательно-мотивировочной части процессуального документа.

Таким образом, по нашему мнению, все решения и действия, указанные в части 1 статьи 46 УПК РФ, требуют наличия сформированного подозрения. Более того, оно должно быть текстуально отражено в составляемых процессуальных документах, копии которых подозреваемый имеет право получить, что позволяет ему узнать о том, в чем он подозревается.

Однако, необходимо понимать, что подобное трактование подозреваемого представляется весьма узким по той причине, что для формирования подозрения в большинстве случаев требуется производить следственные и иные процессуальные действия в отношении лица, который в перспективе может стать подозреваемым.

Как совершенно верно заметил А.В. Давлетов, признанию лица подозреваемым всегда предшествует формирование подозрения, которое происходит посредством собирания доказательственных сведений и осуществления уголовного преследования³.

¹ Там же.

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2014.

³ Давлетов А.В. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России // Уголовный процесс. 2008. № 5. С. 41.

Из этого следует, что уже на этапе формирования подозрения, права и законные интересы лица подвергаются различным ограничениям. В связи с этим лицо должно обладать определенными правами и гарантиями для защиты от уголовного преследования. По этому поводу в доктрине уголовно-процессуального права сложилось множество мнений.

Например, С.А. Яковлева полагает, что уголовно-процессуальный закон формулирует процессуальное положение подозреваемого с формально-юридической позиции, не позволяющей охватить категорией «подозрение» все случаи включения лица в уголовно-процессуальную деятельность¹.

Другую точку зрения занимает группа ученых-процессуалистов, полагающих, что в настоящее время в различных нормах УПК РФ закреплены отдельные права и гарантии лица, относительно которого имеется подозрение в совершении преступления².

По мнению данных авторов, главное отличие между лицом, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления и, непосредственно, подозреваемым именно в степени сформированности подозрения. В сущности, лицо, относительно которого имеется подозрение в совершении преступления, представляет собой лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, но не имеется достаточного основания в виде доказательств, формирующих подозрение, для принятия процессуальных решений, указанных в части 1 статьи 46 УПК РФ.

Третья точка зрения, которой придерживаются некоторые авторы, гласит, что подозреваемый как процессуальный статус появляется в уголовном процессе в тот момент, когда в отношении конкретного лица начинается осуществление уголовного преследования³.

¹ Яковлева С.А. О понятии «подозреваемый» в российском уголовном процессе // Марийский юридический вестник. 2016. № 1 (16). С. 51.

² См., напр.: Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7(44). С. 1475; Головкин Л.В. Курс уголовного процесса: учебник. М.: Статут, 2017. С. 353.

³ См., напр.: Грохотова Е.А. Подозреваемый в уголовном процессе России // Уголовно-процессуальный Кодекс РФ: 15 лет правоприменения. Курск, 2016. С. 53; Быков В.М. Подозреваемый в уголовном процессе РФ // Правосудие. 2018. № 3. С. 22.

Автору данная точка зрения представляется наиболее приемлемой и верной, поскольку о ее состоятельности свидетельствуют как законодательные формулировки, так и правоприменительная и конституционная практика.

Так, в соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 46 УПК РФ подозреваемый вправе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения. Подобная формулировка говорит о том, что фигура, отчасти схожая по статусу с подозреваемым, появляется еще до возбуждения уголовного дела.

Требуется отметить и то, что суды различных уровней указывают на необходимость учета фактического положения лица в уголовном процессе при решении вопроса о присутствии у лица тех или иных прав, вне зависимости от наличия официального юридического решения, закрепляющего данные права за ним.

Так, Европейский Суд по правам человека в Постановлении по делу «Фефилов против РФ», указал, что лицо признается подозреваемым не с момента официального объявления его таковым, а с начала осуществления действий, свидетельствующих о наличии подозрения (в том числе не подтвержденного доказательствами) в отношении него¹.

В свою очередь, еще в 2000 году Конституционный Суд РФ разъяснил, что при определении момента возникновения прав подозреваемого (обвиняемого) следует учитывать фактическое положение лица в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, принимая во внимание процессуальные действия и процессуальные решения, свидетельствующие о обвинительной деятельности в отношении конкретного лица².

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 30.06.2015 года

¹ Дело Фефилов (Fefilov) против Российской Федерации (жалоба № 6587/07): Постановление ЕСПЧ от 17.07.2018 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 9.

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2000.

№ 29 также указал, что правом на защиту обладает лицо в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность, вне зависимости от его формального положения в уголовном процессе¹.

Имеются примеры и из правоприменительной практики судов общей юрисдикции, в которых учтены идеи о необходимости оценки фактического положения лица.

Так, в Апелляционном Определении Верховного Суда РФ от 07 июля 2016 года № 92-АПУ16-6СП отмечено, что суд первой инстанции обоснованно признал явку с повинной недопустимым доказательством, поскольку нарушение статьей 46, 49 и 144 УПК РФ лицу после задержания не были разъяснены его процессуальные права².

Таким образом, на сегодняшний день подозреваемый, это, в-первую очередь, лицо, в отношении которого органы предварительного расследования до предъявления обвинения осуществляют уголовное преследование с целью его изобличения в совершении преступления посредством формирования подозрения (проверки предположения совершения лицом преступления).

При этом между подозреваемым в конституционном смысле и подозреваемым в формально-юридическом смысле существует два отличия, которые взаимосвязаны между собой, а именно: отсутствие сформированного подозрения в отношении первого и его наличие в отношении второго; и отсутствие возможности применения мер пресечения в отношении первого и возможность применения в отношении второго.

Из этого следует, что официальное признание лица подозреваемым на основании сформулированного подозрения является гарантией обоснованности и законности применения мер пресечения, а также дальнейшего осуществления

¹О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. сентябрь, 2015.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.07.2016 г. № 92-АПУ16-6СП. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=425977#0178617955070155> 1 (дата обращения: 19.02.2021).

уголовного преследования.

На основании вышеизложенного, считаем возможным сформулировать следующие определения:

1. Подозреваемый в широком (конституционном) смысле – лицо, вступившее в уголовно-процессуальные отношения с одновременным возникновением у него прав, предусмотренных УПК РФ, в связи с осуществлением в отношении него уголовного преследования со стороны органов предварительного расследования, до предъявления обвинения.

2. Подозрение – предположение должностного лица органов предварительного расследования, основанное на сведениях, имеющих в уголовном деле и сформулированное в процессуальном документе (постановлении или протоколе), о совершении преступления конкретным лицом.

3. Подозреваемый в узком (формально-юридическом) смысле – лицо, вступившее в уголовно-процессуальные отношения посредством возникновения прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ на основании соответствующего процессуального решения или действия со стороны следователя (дознателя), принятого в связи с наличием подозрения в отношении данного лица.

Учитывая важность правовой категории «подозрение» как основания для наделения лица процессуальным статусом подозреваемого, применения к нему мер процессуального принуждения, в том числе мер пресечения, а также как гарантии законного и обоснованного ограничения его прав и законных интересов в рамках уголовного преследования, автор считает необходимым закрепить вышеуказанное определение в уголовно-процессуальном законе, для чего необходимо предусмотреть пункт 22.1 в статье 5 УПК РФ.

Перед тем как перейти к анализу прав и обязанностей подозреваемого, также необходимо указать на два менее значимых признака, присущих данному процессуальному статусу.

Во-первых, подозреваемый это факультативный участник досудебного

производства, поскольку в некоторых случаях уже на момент возбуждения уголовного дела органы предварительного расследования располагают доказательствами, на основании которых можно выдвинуть обвинение против лица.

Во-вторых, подозреваемый это один из самых кратковременных участников досудебного производства.

Так, А.С. Шаталов подчеркивает, что лицо перестает быть подозреваемым по истечении 10 суток с момента избрания меры пресечения (в том случае, когда он был наделен данным процессуальным статусом именно посредством избрания меры пресечения), либо когда истекает срок задержания¹.

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует указание на утрачивание лицом статуса подозреваемого по истечении 10 суток, правоприменитель именно таким образом толкует норму, изложенную в пункте 3 части 1 статьи 46 УПК РФ. Для подтверждения данных слов приведем пример из практики.

Апелляционным постановлением Свердловского областного суда от 26 марта 2019 года установлено, что помещение гражданина М. в психиатрическую больницу было незаконно, поскольку на 19 февраля 2019 года мера пресечения в виде подписки о невыезде была отменена в связи с истечением 10 суточного срока, и соответственно он перестал быть подозреваемым по уголовному делу².

Однако, стоит отметить, что в тех случаях, когда подозреваемый был поставлен в данный статус посредством возбуждения в отношении него уголовного дела или через уведомление о подозрении, он пребывает в таком качестве либо до предъявления обвинения, либо до прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

¹ Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право: учебник в 3-х томах. Т. 1: Общие положения. М.: ИД МПА-Пресс, 2012. С. 112.

² Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 26.03.2019 г. № 22к-2579/2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=214046#0030576686092651406> (дата обращения: 20.02.2021).

Переходя к анализу прав подозреваемого, необходимо отметить, что данное лицо, в силу своего процессуального положения, наделено широкими правами с помощью которых оно может эффективно отстаивать свои законные интересы в рамках досудебного производства.

В доктрине уголовно-процессуального права существует множество классификаций прав подозреваемого. Приведем некоторые из них.

Так, П.А. Смирнов подразделяет права подозреваемого в зависимости от необходимости наличия волеизъявления лица для их реализации на императивные и инициативные. Также данным автором в зависимости от продолжительности обладания правом выделяются ситуативные и постоянные права подозреваемого¹.

Ситуативные права подозреваемого подразумевают, что они могут быть реализованы лишь в определенных уголовно-процессуальным законом случаях или в определенные сроки (Так, заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме возможно лишь в течение 2 суток со дня разъяснения соответствующего права, а право на один телефонный разговор предоставляется лишь в тех случаях, когда лицо подвергнуто задержанию).

Постоянные права, в свою очередь, могут быть реализованы подозреваемым в любой момент производства по уголовному делу.

Иную классификацию приводит А.А. Терегулова, подразделяя права в зависимости от их функциональной нагрузки: права, связанные с защитой; права, связанные с участием в доказывании².

Первая группа прав подозреваемого является самой объемной. Так, к ним относятся следующие права: знать в чем лицо подозревается и получать копию процессуального решения, где подозрение изложено; давать показания и объяснения по поводу имеющегося подозрения, либо отказаться от дачи показаний; пользоваться помощью защитника; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием; защищаться иными

¹ Смирнов П.А. Указ. соч. С. 20.

² Терегулова А.А. Указ. соч. С. 16.

способами, не запрещенными УПК РФ и другие.

Вторая группа прав подозреваемого представлена единственным правом на предоставление доказательств. Однако, по мнению автора, подобная формулировка вступает в противоречие с частью 2 статьи 86 УПК РФ, а также общей логикой доказывания по уголовному делу. Противоречивость данной нормы заключается в том, что статус доказательства предметы и документы приобретают лишь по решению следователя (дознателя), поэтому подозреваемый не может представлять полноценные доказательства по уголовному делу. В связи с этим автор предлагает изложить пункт 4 части 4 статьи 46 УПК РФ в следующей редакции: представлять предметы и документы для их приобщения к уголовному делу в качестве доказательств.

Права подозреваемого также можно подразделить на универсальные, которые присущи каждому лицу, вне зависимости от участия в уголовном судопроизводстве (например, право на личную неприкосновенность); общие процессуальные права, которыми обладают все участники уголовного судопроизводства (право на подачу жалобы), вне зависимости от статуса; специальные процессуальные права, которые характерны только для подозреваемого (права, связанные с защитой от уголовного преследования).

Помимо процессуальных прав, подозреваемый, как и любой другой участник уголовного судопроизводства обладает определенными обязанностями, которые обусловлены его ролью в процессе, необходимостью обеспечения нормального производства по уголовному делу, а также общим назначением уголовного судопроизводства. Однако, стоит отметить, что в отличие от прав, обязанности не нашли своего отражения в статье 46 УПК РФ, а закреплены в различных нормах уголовно-процессуального закона.

Так, А.В. Гриненко относит к обязанностям подозреваемого следующие: являться по вызовам должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство; соблюдать требования применяемых в отношении него мер процессуального принуждения, в том числе мер пресечения; подвергаться освидетельствованию, предоставлять образцы для сравнительного

исследования; не осуществлять заведомо ложный донос в отношении иных лиц; не угрожать свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства; не уничтожать доказательства¹.

К вышеуказанным обязанностям Е.В. Сопнева добавляет обязанность сообщать о наличии оснований для отвода различным участникам уголовного судопроизводства; подчиняться законным требованиям следователя (дознателя); сообщать о перемене места жительства; не разглашать данные предварительного расследования².

Анализируя п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемым также признается лицо, которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. В ст. 92 УПК РФ предусмотрено, что в орган дознания или к следователю доставляется подозреваемый; защитник участвует в производстве по уголовному делу «с момента фактического задержания подозреваемого». Однако остается неизвестным момент и способ признания данного лица подозреваемым. В настоящее время остается неурегулированным вопрос о правовом статусе лица, задержанного на месте совершения преступления или после его совершения, когда не принято еще решение о возбуждении уголовного дела.

В связи с этим В.И. Руднев предлагает ввести в уголовно- процессуальное законодательство термин «задержанный», поскольку в он большей степени соответствует статусу доставленного в правоохранительные органы лица и отграничить таким образом от подозреваемого. Причем под задержанным следует понимать лицо, принудительно доставленное органам власти в связи с его обоснованно предполагаемой причастностью к совершению преступления³.

Изучив правовое регулирование процессуального статуса подозреваемого в уголовном процессе РФ, можно сделать следующие выводы:

1. Процессуальный статус подозреваемого нормативно отражен как в

¹ Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. С. 190.

² Сопнева Е.В. К вопросу об обязанностях подозреваемого в уголовном процессе // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 190.

³ Руднев В. И. Статус задержанного как нового участника уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 15–17.

Конституции РФ, так и в УПК РФ. Данное обстоятельство детерминировано необходимостью обеспечения лица основными правами в рамках уголовного дела для отстаивания своих законных интересов.

2. На сегодняшний день процессуальную фигуру подозреваемого можно толковать двояко: в конституционном и формально-юридическом смысле. Если оценивать фигуру подозреваемого с конституционной точки зрения, то это лицо, вступившее в уголовно-процессуальные отношения с одновременным возникновением у него прав, предусмотренных УПК РФ, в связи с осуществлением в отношении него уголовного преследования со стороны органов предварительного расследования, до предъявления обвинения; если же рассматривать подозреваемого как формально-юридический правовой статус то это лицо, вступившее в уголовно-процессуальные отношения посредством возникновения прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ на основании соответствующего процессуального решения или действия со стороны следователя (дознателя), принятого в связи с наличием подозрения в отношении данного лица.

3. Главное отличие между данными статусами заключается в степени сформированности подозрения, под которым следует понимать предположение должностного лица органов предварительного расследования, основанное на сведениях, имеющихся в уголовном деле и сформулированное в процессуальном документе (постановлении или протоколе), о совершении преступления конкретным лицом. Так, если в отношении подозреваемого в конституционном смысле отсутствует сформированное подозрение, но уже осуществляется уголовное преследование (что и детерминирует необходимость наделение лица правами подозреваемого) с целью его формирования, то в отношении подозреваемого в формально-юридическом смысле оно уже существует и отражено в соответствующем акте. Учитывая значимость и важность категории «подозрение», автором предложено внести вышеуказанное определение в уголовно-процессуальный закон, а именно дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 22.1.

4. Для отстаивания своих законных интересов и защиты от уголовного преследования подозреваемый наделен широким перечнем прав, основной массив которых отражен в статье 46 УПК РФ. В зависимости от классификационного критерия все права подозреваемого можно подразделить на: инициативные и императивные; ситуативные и постоянные; универсальные, общие и специальные; направленные на выполнение функции защиты и направленные на участие в доказывании. Использование такой классификации при изучении уголовно-процессуального права может быть полезным для разграничения прав подозреваемого и понимания всего их комплекса. Как видно из классификации, данные права существуют не только в положениях непосредственно посвященных подозреваемому, что затрудняет их усвоение без должной систематизации. В практической деятельности такая классификация может оказаться полезной для тех подозреваемых, которые отказываются от защитника и пытаются самостоятельно защищать свои права. Использование данной классификации поможет подозреваемому в полной мере понимать, на что именно и в каких ситуациях он имеет право, а на что у него такое право отсутствует. Для следователей и дознавателей данная классификация может помочь не упустить определенные права при их разъяснении, ведь как показывает практика, разъяснение прав в большей мере ограничено зачитыванием ч.4 ст.46 УПК РФ.

По мнению автора, право на предоставление доказательств противоречит логике доказывания в уголовном процессе РФ, в связи с чем предлагается изложить пункт 4 части 4 статьи 46 УПК РФ в следующей редакции: представлять предметы и документы для их приобщения к уголовному делу в качестве доказательств.

5. Для обеспечения нормального производства по уголовному делу, достижения целей уголовного судопроизводства и выполнения своей роли подозреваемый должен исполнять или соблюдать обязанности, предусмотренные УПК РФ. Так, к его обязанностям относятся: являться по вызовам должностного лица; соблюдать требованиям применяемых мер

процессуального принуждения; не уничтожать доказательства; не угрожать участникам уголовного судопроизводства; сообщать о перемене места жительства; подвергаться освидетельствованию и предоставлять образцы для сравнительного исследования; не разглашать данные предварительного расследования.

§ 2. Институт подозреваемого в законодательстве зарубежных стран

Значительные требования, предъявляемые международными организациями к обеспечению прав и законных интересов лица, подвергающегося уголовному преследованию, влекут за собой принятие соответствующих мер на национальном уровне во многих зарубежных странах.

В связи с этим весьма актуальным представляется изучение фигуры подозреваемого (или смежных с ним правовых явлений) в некоторых зарубежных странах с целью получения положительного опыта по регулированию данного процессуального статуса в рамках уголовного процесса.

По мнению автора, наиболее удачными для изучения выступают страны, относящиеся к континентальной правовой семье, поскольку, с одной стороны они имеют сходство с российской правовой семьей, что облегчает уяснение основных правовых категорий, а с другой – уголовно-процессуальное законодательство данных стран представляет из себя одно из самых прогрессивных на сегодняшний день. Для соблюдения полноты автором для изучения были избраны Федеративная Республика Германия (Далее – ФРГ), выступающая апологетом германского ответвления в континентальной правовой семье и Итальянская Республика (Далее – Италия), ставшая родоначальником романской группы.

Федеративная Республика Германия. Сразу же необходимо отметить, что в уголовном процессе ФРГ формально не закреплен процессуальный статус подозреваемого, однако присутствует в очень разработанном виде институт подозрения, который неразрывно связан с фактом наделения лица правами обвиняемого.

Так, в соответствии с господствующей точкой зрения Верховного Суда ФРГ и немецкой уголовно-процессуальной доктрины подозрение представляет из себя волевой акт органа, осуществляющего уголовное преследование, в котором отражена его позиция об осуществлении уголовного преследования в отношении обвиняемого лица¹.

С категорией «подозрение» в уголовном судопроизводстве ФРГ связано возникновение и изменение множества правоотношений, влекущих включение различных субъектов в них.

В соответствии с абзацем 2 статьи 152 УПК ФРГ прокуратура обязана организовать преследование всех преступных деяний, подлежащих преследованию, при наличии достаточных фактических данных².

Торстеном Фереллом отмечается, что именно «наличие достаточных фактических данных» именуется начальным подозрением, которое представляет из себя основание для начала официального уголовного преследования в отношении лица, приобретающего в связи с этим процессуальный статус обвиняемого³.

В свою очередь, правилами производства по уголовным и административным штрафам раскрывается понятие «начальное подозрение» – даже незначительная вероятность того, что совершенно наказуемое деяние⁴.

¹ Плошкина Я.М. Учение о подозрении в уголовных процессах Германии и России // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т.5. № 1. С. 40.

² Strafprozeßordnung: In der Fassung vom 07.04.1987. S. 1319 URL: <https://dejure.org/gesetze/StPO> (дата обращения: 25.02.2021).

³ Шредер Фридрих-Кристиан, Ферелл Торстен. Уголовно-процессуальное право Германии - Strafprozessrecht: пер.с нем. М: Инфотропик Медиа, 2016. С. 49.

⁴ Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren: vom 1. Januar 1977. URL: https://www.verwaltungsvorschriften-im-internet.de/bsvwvbund_01011977_420821R5902002.htm (Дата обращения: 25.02.2021).

При этом, как отмечает Конституционный Суд ФРГ, любое, даже начальное подозрение, основанное на фактических данных, является предпосылкой уголовно-процессуальных мер в том случае, если исходя из криминологического опыта имеется предположение о совершении преступления¹.

То есть, начальное подозрение это не просто наличие фактических данных, а именно таких сведений, которые, исходя из прошлого научного опыта о преступности свидетельствуют о наличии признаков преступления.

Начальное подозрение выступает не только основанием для начала официального производства по уголовному делу, но также и для применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Ярким примером выступает обыск у подозреваемого², для проведения которого, в соответствии со статьей 102 УПК ФРГ, требуется наличие первичного подозрения.

На это указывает и Конституционный Суд ФРГ, разъясняя, что для проведение обыска в жилище требуется лишь начальное подозрение, которое, при этом, должно быть основано на фактических данных, а не на расплывчатых фактах и обычных предположениях³.

В другом решении Конституционный Суд ФРГ подчеркнул также то, что никакие меры процессуального принуждения не могут быть использованы для получения фактических данных, необходимых для формирования начального подозрения, поскольку оно выступает их причиной, а не следствием⁴.

Таким образом, категория «начальное подозрение», сформированная на

¹ BverfG 2 BvR 27/04 (3. Kammer des Zweiten Senats) – Beschluss vom 8. März 2004/ URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/bverfg/04/2-bvr-27-04.php> (Дата обращения: 25.02.2021).

² Необходимо заметить, что, несмотря на отсутствие процессуального статуса подозреваемого, немецкий законодатель активно использует данный термин при конструкции норм, посвященных уголовному преследованию обвиняемого. Данный факт своей работе подчеркивает Луцик В.В. Уголовный процесс зарубежных стран: монография. М.: Проспект, 2018. С. 112.

³ BverfG 2 BvR 31/19, 2 BvR 886/19 (3. Kammer des Zweiten Senats) - Beschluss vom 20. November 2019. URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/bverfg/19/2-bvr-31-19.php> (Дата обращения: 25.02.2021).

⁴ BverfG 6. Senat 6 AV 7/19. - Beschluss vom 10. Juni 2020. URL: <http://www.rechtsprechung-im-internet.de/jportal/portal/t/19ke/page/bsjrsprod.psmIfocuspoint> (Дата обращения: 25.02.2021).

основании фактических данных, свидетельствующих о совершении преступления, выступает основанием как для начала уголовного преследования (открытия уголовного производства), так и для наделения лица, в отношении которого оно производится, статусом обвиняемого¹. Отказ немецкого законодателя от процессуального статуса подозреваемого детерминирован желанием предоставить лицу самые широкие права, принадлежащие обвиняемому, на самом раннем этапе производства по уголовном делу.

Для признания лица обвиняемым не требуется вынесения специального решения - достаточно проведения допроса обвиняемого в соответствии со статьей 136 УПК ФРГ, перед началом которого лицу разъясняется существо подозрения, а также его процессуальные права и обязанности².

Однако, помимо процессуального статуса обвиняемого, уголовно-процессуальный закон ФРГ предусматривает свидетеля, находящегося под подозрением, в отношении которого нет фактических данных, необходимых для начального подозрения³.

Свидетель под подозрением обладает более широкими правами, нежели обычный свидетель, а именно: имеет право не приводиться к присяге, не свидетельствовать против себя и своих близких, пользоваться помощью защитника. В тоже время, в связи с отсутствием начального подозрения, в отношении него нельзя осуществлять уголовное преследование.

При этом, как отмечает Я.М. Плошкина, если в рамках допроса данный свидетель сообщает изобличающие его сведения, лицо, проводящее допрос приостанавливает его производство и ставит лицо в статус обвиняемого

¹ В УПК ФРГ помимо «начального подозрения» имеются и другие виды подозрения: срочное, достаточное, серьезное. Однако, ввиду их неотносимости к предмету исследования, автором они рассмотрены не будут. См., подробнее: Головнеков П.Н., Спица Н.Е. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Постдам: Постдамский университет, 2014. 408 с.

² StrafprozeBordnung: In der Fassung vom 07.04.1987. S. 1319. URL: <https://dejure.org/gesetze/StPO> (Дата обращения: 25.05.2021).

³ Плошкина Я.М. Подозрение в немецком уголовном процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 96.

посредством допроса по правилам статьи 136 УПК ФРГ¹.

Подобная практика призвана обеспечить лицу, в отношении которого появилось начальное подозрение, его основные права и гарантии, которые предоставлены ему Основным Законом и УПК ФРГ в связи с его процессуальным положением и обвинительной деятельностью, осуществляемой в отношении него.

Резюмируя, можно сказать, что отсутствие процессуального статуса подозреваемого в ФРГ компенсируется детально проработанным в уголовно-процессуальном законе, науке и конституционной практике институтом подозрения, своевременным наделением лица статусом обвиняемого, а также предоставлением дополнительных гарантий лицам, не обладающих данным статусом, но находящимся под подозрением.

Италия. Уголовное судопроизводство Италии, несомненно, построенное в соответствии с основными идеями континентальной правовой семьи, и выступая представителем романской подгруппы, имеет значительные отличия от «германских» коллег, что отражается, в том числе, на регулировании вопросов, связанных с процессуальным статусом подозреваемого в уголовном процессе.

В отличие от немецкого уголовного процесса Италии известен такой участник как подозреваемый, именуемый подследственным.

Уголовно-процессуальный закон Италии в статье 61 определяет, что права обвиняемого, который появляется в уголовном процессе лишь по окончании досудебного производства, также принадлежат подследственному².

Кроме этого, УПЗ Италии тщательно регламентирует порядок производства допроса подследственного. Так, статья 64 данного нормативно-правового акта устанавливает, что: подследственный имеет право на защиту, в том числе, бесплатную; запрещается воздействовать на подследственного так,

¹ Плошкина Я.М. Указ. соч. – С. 95.

² Codice di procedura penale: Decreto del presidente della Repubblica 22 sep. 1988. № 447. URL: https://www.polpenuil.it/attachments/048_codice_di_procedura_penale.pdf (Дата обращения: 25.02.2021).

чтобы он потерял возможность свободно выражаться, либо воспринимать факты адекватно; предупреждается, что все сказанное может использоваться против него; разъясняется право на молчание; при этом лицо не предупреждается об ответственности за заведомо ложные показания, за исключением случаев, когда данные показания затрагивают других лиц¹.

Момент появления подследственного в уголовном процессе определен в части 1 статьи 335 УПЗ Италии, согласно которой прокурор, при наличии информации, обязан внести в реестр сообщений о преступлениях сведения о преступлении, а также о лице его совершившем².

Несмотря на то, что досудебное производство в Италии носит тайный характер, производится прокурором лишь для подтверждения факта совершения преступления и выдвижения окончательного обвинения, подследственному кратко разъясняются сущность того преступления, в котором его подозревают и перечисляются доказательства, свидетельствующие о его причастности.

В доктрине итальянского уголовно-процессуального права подобная процедура именуется *addebito provvisorio*, что можно перевести как «предварительное обвинение». В ее рамках подследственный узнает, что в отношении него осуществляется уголовное преследование в связи с возможным совершением им преступления. При этом сообщаемая информация должна быть точной и ясной, а также основанной на фактических данных, но, однако, прокурор вправе не конкретизировать вид преступления; объясняется это тем, что в рамках досудебного производства не существует обвинения с юридической точки зрения и невозможно дать точную квалификацию³.

Исходя из подобных научных положений П.К. Барабанов и объясняет необходимость существования такой относительно нейтральной фигуры как

¹ Codice di procedura penale: Decreto del presidente della Repubblica 22 sep. 1988. № 447. URL: https://www.polpenuil.it/attachments/048_codice_di_procedura_penale.pdf (Дата обращения: 25.02.2021).

² Там же.

³ Paolo Pittaro. La conoscibilita dell' accusa nel procedimento penale: Dottorato di ricerca in scienze penalistiche. Trieste, 2010. P. 108.

подследственный. По его мнению, итальянский законодатель, предусмотрев подследственного как участника досудебного производства, с одной стороны, стремился обеспечить желание прокурора сформировать существенную доказательственную базу, необходимую для объявления лица обвиняемым, а с другой стороны, обеспечить лицу, чья причастность проверяется, правом на защиту, а также иными гарантиями, которые имеются у обвиняемого¹.

Нормативной основой сообщения о предварительном обвинении выступает часть 2 статьи 335 УПЗ Италии, которая устанавливает обязанность прокурора сообщить подследственному информацию, которая содержится в реестре сообщений о преступлениях, а также о имеющихся доказательствах. Необходимо отметить и то, что в уголовно-процессуальном законе Италии предусмотрено множество способов доведения до подследственного информации о наличии предварительного обвинения в отношении него: перед первым допросом в качестве подследственного (статья 65 УПЗ Италии); посредством направления закрытого письма в адрес подследственного (статья 369 УПЗ Италии); путем направления приглашения подследственному об участии в следственных действиях (статья 372 УПЗ Италии)².

Несмотря на стремление предоставить подследственному все гарантии и права обвиняемого, нельзя ставить между ними знак тождества, поскольку досудебное производство в уголовном процессе носит тайный и закрытый характер, а последующие судебные стадии – открытый и гласный, что сказывается на возможности реализовать отдельно взятые права.

Подводя итоги исследованию процессуального статуса в уголовных процессах ФРГ и Италии можно сделать следующие выводы:

1. В уголовном судопроизводстве ФРГ отсутствует полноценный процессуальный статус подозреваемого, однако немецкий законодатель компенсирует это детально проработанным институтом подозрения,

¹ Барабанов П.К. Уголовный процесс Италии: научно-практическое пособие. М.: «Спутник+», 2019. С. 81.

² Codice di procedura penale: Decreto del presidente della Repubblica 22 sep. 1988. № 447. URL: https://www.polpenuil.it/attachments/048_codice_di_procedura_penale.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

своевременным наделением лица статусом обвиняемого, а также предоставлением дополнительных гарантий лицам, не обладающих данным статусом, но находящимся под подозрением.

2. В уголовном процессе Италии присутствует аналог подозреваемого – подследственный, который появляется с момента занесения информации о нем в реестр сообщений о преступлениях и до момента предъявления официального обвинения прокурором по окончании досудебного производства. Подследственный наделен аналогичными с обвиняемым правами и гарантиями, ему также сообщается «предварительное обвинение», которое содержит краткую, но ясную и точную информацию о том, что проверяется его причастность к совершению преступления, перечисляются доказательства, подтверждающие данный факт. При этом данному лицу не сообщается квалификация его деяний в связи с отсутствием официального обвинения.

ГЛАВА 2. ОБВИНЯЕМЫЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

§1. Понятие обвиняемого и его процессуально-правовой статус в уголовном процессе Российской Федерации

Обвиняемый, вне всяких сомнений, выступает центральной фигурой всего уголовного судопроизводства. В связи с исключительным положением обвиняемого в системе уголовно-процессуальных отношений, лицо, наделенное данным процессуальным статусом обладает широкими правами и гарантиями, которые позволяют ему в достаточной мере защитить себя от обвинительной деятельности органов предварительного расследования, если она носит незаконный и необоснованный характер, а также выполнять и реализовывать свою процессуальную роль, определенную статьей 15 УПК РФ.

По этой причине, основные гарантии обвиняемого нашли конституционное отражение, а именно: в статье 48 Основного закона закрепляет право на защиту, а статья 49 – устанавливает презумпцию невиновности и снимает бремя доказывания своей невиновности с обвиняемого.

Исключительное положение обвиняемого подчеркивается и Конституционным Судом России, который в Постановлении от 21 ноября 2017 года № 30-П отметил, что, законодатель, закрепляя дополнительные гарантии и права обвиняемого, исходит из его особого положения в уголовно-процессуальных отношениях¹.

Учитывая особое внимание законодателя и высших органов судебной

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 г. № 30-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71714798/> (дата обращения: 17.03.2021).

власти к фигуре обвиняемого, автор полагает, что необходимо более детально рассмотреть как понятие данного участника уголовного процесса, так и его процессуально-правовой статус.

Перед началом непосредственного рассмотрения обвиняемого и его процессуального статуса, стоит отметить, что, во-первых, в контексте уголовно-процессуального закона, обвиняемый - это статус лица, являющийся закономерным продолжением статуса подозреваемого, что образует между ними как формально-юридическую, так и диалектическую непосредственную связь, а во-вторых, законодатель, придерживаясь единой юридической техники, используют аналогичные правовые приемы и методы при конструкции нормы, закрепляющей процессуальный статус обвиняемого.

По поводу схожести и родства подозреваемого и обвиняемого совершенно верно заметила Н.Б. Лагуткина, подчеркивая, что законодатель на сегодняшний день нивелировал разницу между данными процессуальными статусами, а единственное отличие между ними заключается в более широком комплексе прав обвиняемого, объясняемого его участием в судебных стадиях уголовного процесса¹.

Так, в соответствии с частью 1 статьи 47 УПК РФ, обвиняемым признается лицо, в отношении которого:

- 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого;
- 2) вынесен обвинительный акт;
- 3) составлено обвинительное постановление.

Представленный перечень является исчерпывающим, однако некоторые процессуалисты полагают, что фигура обвиняемого появляется с момента вынесения мировым судьей постановления о назначении судебного заседания по делам частного обвинения, однако Т.Н. Михайлова полагает, что в этом случае уголовно-процессуальный закон минует обвиняемого, переходя сразу к

¹ Лагуткина Н.Б. Процессуальный статус обвиняемого в уголовном судопроизводстве России // Научный журнал «Аллея Наук». 2019. № 1. С. 12.

подсудимому¹.

По мнению автора, подобный аргумент является несостоятельным, поскольку часть 2 статьи 47 УПК РФ четко определяет, что обвиняемый по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Таким образом законодатель разграничивает данные правовые статусы.

Более того, часть 4 статьи 319 УПК РФ определяет, что мировой судья, в случае неявки лица в отношении которого подано заявление, направляет ему копию заявления с разъяснением прав подсудимого; более того, данное лицо уже именуется подсудимым. В свою очередь, статья 3 статьи 319 УПК РФ закрепляет, что мировой судья, назначив судебное заседание, обязан вызвать вышеуказанное лицо и разъяснить права подсудимого, предусмотренные статьей 47 УПК РФ.

В связи с этим, в статью 47 УПК РФ необходимо внести изменения, дополнив ее частью 1.1. в следующей редакции: подсудимым также признается лицо в отношении которого подано заявление по уголовным делам частного обвинения, в случае если мировым судьей принято решение, предусмотренное частью 3 статьи 319 настоящего Кодекса.

Стоит также заметить, что в соответствии с частью 2 статьи 47 УПК РФ, правами обвиняемого обладает осужденный (лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор) и оправданный (лицо, в отношении которого вынесен оправдательный приговор). В этом случае термин «обвиняемый» несет чисто процессуальную нагрузку, поскольку с материально-правовой точки зрения лицо уже не является обвиняемым, поскольку его презумпция невиновности либо была опровергнута, либо подтвердилась.

Как совершенно верно заметил В.М. Михеев, оправданный и осужденный приравниваются к обвиняемому лишь в том контексте, в котором это требуется для защиты их интересов в последующих стадиях уголовного

¹ Михайлова Т.Н. Проблемные аспекты определения понятия «обвиняемый» в уголовном судопроизводстве России // Вестник СГУ. 2016. № 3. С. 47.

судопроизводства¹.

Рассмотрев законодательные положения, в которых отражено определение обвиняемого, автор может обоснованно отметить, что правотворец, по аналогии с подозреваемым, использует формально-юридический подход при конструкции данной нормы.

Более того, наделение лица статусом обвиняемого в отечественном уголовном процессе носит заочный характер, то есть субъект правоотношений приобретает вышеуказанный статус после принятия следователем (дознавателем) решения, указанного в части 1 статьи 47 УПК РФ, а осведомленность лица о данном факте не имеет никакого юридического значения.

О заочном характере обвинения свидетельствуют законодательные формулировки, закрепленные в статье 172 УПК РФ. Так, часть 2 статьи 172 УПК РФ устанавливает обязанность следователя извещать обвиняемого о дате и времени предъявления обвинения; в других частях данной статьи нормы изложены аналогичным способом, то есть о лице, которому еще не было предъявлено обвинение говорится уже как об обвиняемом.

Однако, например В.Б. Стукалин не согласен с подобной конструкцией наделения лица процессуальным статусом обвиняемого и полагает, что таковым должно считаться физическое лицо, которому органами предварительного расследования объявлено о том, что он обвиняется в совершении конкретного преступления, путем ознакомления с соответствующими процессуальными документами, предусмотренными УПК РФ².

Как правильно замечает Л.В. Головкин, обвиняемый в смысле статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года включает в себя подозреваемого, обвиняемого, а также любое лицо, не обладающее формальным статусом, в отношении которого ведется обвинительная

¹ Михеев В.М. О процессуальном статусе обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3(6). С. 70.

² Стукалин В.Б. Обвиняемый в российском уголовном процессе: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2014. № 10. С. 84.

деятельность¹.

Также, толкование термина «обвинение», являющегося детерминантом и фундаментом появления такого субъекта как обвиняемый, в частности, в решениях Европейского Суда по правам человека, отличается от той законодательной формулировки, которая предложена в отечественном уголовно-процессуальном законе.

Так, согласно положениям пункта 22 статьи 5 УПК РФ, обвинение это утверждение о совершении определенном лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Исходя из указанного определения термина «обвинение», можно усмотреть его родство с понятием «подозрение», рассмотренном автором ранее, где связь между ними была четко обозначена. При этом, обвинение, в отличие от подозрения, носит конкретный и утвердительный, а не вероятностный характер, может быть основано лишь на доказательствах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, на что и указывает часть 1 статьи 171 УПК РФ. Однако, как и подозрение, обвинение должно выдвигаться в определенной процессуальной форме, гарантирующей права и законные интересы обвиняемого; кроме этого, обвинению сформированному предшествует обвинительная деятельность.

Процессуальную природу обвинения в уголовном судопроизводстве весьма удачно подчеркнул Д.Е. Оборий, назвав его уголовным иском, то есть материальным притязанием государства к лицу².

Совершенно очевидно, что именно в таком ключе следует понимать обвинение, о чем свидетельствует, например, конструктивные части формулировки, используемые в легальной дефиниции (слово «выдвинутое»).

В свою очередь, в решениях Европейского суда по правам человека, термин «обвинение» отраженный в пункте «а» части 3 статьи 6 Конвенции о

¹ Головки Л.В. Указ. соч. С. 237.

² Оборий Д.Е. Привлечение в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе: автореф. дис...канд. юрид. наук. СПб, 2005. С. 8.

защите прав человека и основных свобод¹, толкуется немного иначе, нежели российский законодатель.

Например, в решении ЕСПЧ по делу «Девеер против Бельгии» от 27 февраля 1980 года, Суд указал, что обвинение следует оценивать как содержательную, а не формальную правовую категорию, призывая исследовать, что находится за внешней стороной дела, при этом определяя ее как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение².

Таким образом, современный порядок предъявления обвинения как уголовного иска в отечественном уголовном судопроизводстве не отвечает международным стандартам, поскольку позволяет наделять лицо процессуальным статусом заочно, вплоть до трех суток, в течение которых, согласно части 1 статьи 172 УПК РФ, должно быть предъявлено обвинение. В это время в отношении лица, не знающего о сформированном в отношении него уголовным иском, могут решаться вопросы о применении различных мер процессуального принуждения, вплоть до мер пресечения, что существенно нарушает его права.

Необходимо отметить, что правоприменительная практика сложилась таким образом, что сотрудники органов предварительного расследования предъявляют обвинение лицу, подозреваемому в совершении преступления, в день вынесения соответствующего постановления, тем самым происходит расхождение норм, указанных в уголовно-процессуальном законе и практики их применения.

В связи с чем предлагается часть 1 статьи 47 УПК РФ изложить в

¹ О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 06.04.1998. № 14. Ст. 1514.

² Девеер (Deweere) против Бельгии (жалоба № 6903/75): Постановление ЕСПЧ от 27.02.1980 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 301-317. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=10802#06678278550089021> (дата обращения: 20.03.2021).

следующей редакции: обвиняемым признается лицо, в отношении которого:

- 1) вынесено и объявлено лично постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- 2) вынесен обвинительный акт;
- 3) составлено обвинительное постановление.

Считаем, что подобная формулировка позволит защитить лицо от преждевременного ограничения его прав, при этом, принимая во внимание необходимость учета фактического положения лица. Предложенная процедура позволит подозреваемому в полной мере осознать весь объем прав и обязанностей, которыми он будет наделен, при придании ему статуса обвиняемого по уголовному делу.

Учитывая внесенные изменения, также меняется и теоретическое толкование обвиняемого, под которым предлагаем понимать лицо, которому специально уполномоченным должностным лицом (следователем или дознавателем) в установленном УПК РФ порядке вынесено и объявлено о том, что он совершил общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом.

Переходя к рассмотрению процессуального (правового) статуса обвиняемого следует отметить, что под ним понимается положение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, закрепленное в уголовном законе, которое характеризуется процессуальными правами, обязанностями и законными интересами¹.

Таким образом, процессуальный статус обвиняемого, являясь частным случаем родового понятия «процессуальный статус», включает в себя элементы, присущие иным участникам уголовного судопроизводства, однако их наполняемость различна.

В тоже время, права подозреваемого и обвиняемого весьма схожи, что освобождает автора от проведения повторного их анализа и разработки

¹ Чеботарева И.Н. Обвиняемый в стадии предварительного расследования современного российского уголовного процесса: статус, гарантии прав и законных интересов: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. С. 12.

соответствующих классификаций. Единственное, можно выделить новую классификацию прав обвиняемого, которая не применима к подозреваемому.

Так, все права обвиняемого можно разделить на реализуемые исключительно в рамках предварительного расследования (например, право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования), реализуемые исключительно на судебных стадиях (например, участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора) и универсальные (представлять доказательства).

В остальном же, права, а также обязанности обвиняемого имеют схожую процессуальную природу с правами и обязанностями подозреваемого.

Рассмотрев процессуальный статус обвиняемого в отечественном уголовном судопроизводстве, мы пришли к следующим выводам:

1. Обвиняемый выступает центральной фигурой уголовного судопроизводства, в связи с чем его правовой статус тщательно регулируется на международном и федеральном уровнях, на каждом из которых данному участнику гарантированы широкие права, позволяющие ему защищаться от незаконного и необоснованного уголовного преследования и обвинения, а также реализовывать свою процессуальную роль.

2. Законодатель при формулировке определения обвиняемого использует формально-юридический подход; более того, обвинение в УПК РФ носит заочный характер, то есть лицо наделяется статусом обвиняемого в момент вынесения соответствующего решения. Учитывая международные стандарты, необходимость гарантирования прав и законных интересов обвиняемого, автор считает необходимым предусмотреть очное обвинение, подразумевающие, что лицо наделяется вышеуказанным статусом лишь после объявления ему о существующем обвинении. Для этого необходимо часть 1 статьи 47 УПК РФ изложить в следующей редакции: обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено и объявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление.

3. Уголовно-процессуальный закон предусматривает еще один случай, когда лицо наделяется процессуальным статусом обвиняемого (а конкретно - подсудимого). Подобное изменение в правовом статусе лица происходит при вынесении мировым судьей акта правоприменения в виде постановления о назначении суда при рассмотрении уголовных дел частного обвинения. Однако в статье 47 УПК РФ не содержится указания на это, что, по мнению автора, требует исправления с целью унификации уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим требуется в статью 47 УПК РФ необходимо внести изменения, дополнив ее частью 1.1. в следующей редакции: подсудимым также признается лицо в отношении которого подано заявление по уголовным делам частного обвинения, в случае если мировым судьей принято решение, предусмотренное частью 3 статьи 319 настоящего Кодекса.

§ 2. Международно-правовые нормы и стандарты по обеспечению прав обвиняемого и их отражение в законодательстве Российской Федерации

Международно-правовые стандарты играют важную роль в формировании национальной законодательной системы Российской Федерации, поскольку наше государство, являясь членом наиболее значимых международных организаций, ратифицировало соответствующие нормативно-правовые документы, которые неразрывно связаны с деятельностью указанных организаций.

Важную роль международных актов и международных договоров в построении правовой системы России подчеркивает и часть 4 статьи 15 Конституции РФ, в которой закреплено, что общепризнанные международные нормы, принципы, а также международные договоры выступают составной частью правовой системы РФ. При этом, устанавливается приоритет

международных договоров перед национальными правовыми актами, в случае наличия противоречия между ними.

Весомую роль указанные нормативно-правовые акты международного характера играют и в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку в рамках данной общественно важной деятельности государственных органов происходит существенное ограничение прав и свобод человека, что не могло остаться без внимания современного международного сообщества, нацеленного на обеспечение законности и обоснованности действий, приводящих к указанным последствиям.

В связи с этим уголовно-процессуальный закон, следуя заданному Основным законом, направлению, в части 3 статьи 1 закрепляет аналогичное правило применения международных актов, однако, имея оговорку о невозможности применения норм международного права в тех случаях, когда они явно противоречат смыслу Конституции РФ.

Немалую долю норм международного права посвящены именно фигуре обвиняемого, который является центральным субъектом уголовного процесса, который подвергается различным ограничениям и поражениям своих прав и свобод в связи с возможным совершением общественно опасного деяния, а с другой стороны – наделяется (или, по крайней мере – должен наделяться) специфическими правами, с помощью которых он способен противостоять незаконному и необоснованному уголовному преследованию и осуждению, что заставляет обратить международные правозащитные организации свое внимание именно на него; более того, ограничение и поражение прав и свобод человека в этом случае именно более инструментальный, а не карательный или превентивный характер, поскольку направлен не на восстановление социальной справедливости и предупреждение новых преступлений (хотя, в некоторой степени, институт мер пресечения в уголовном процессе также преследует данную цель), а на обеспечение нормального производства по уголовному делу и возможности установления всех значимых обстоятельств по делу.

Подобное обстоятельство еще больше повышает значимость таких

правовых категорий как «законность» и «обоснованность» при принятии соответствующих процессуальных решений со стороны субъектов, наделенных правом применения государственного принуждения в рамках производства по уголовному делу в отношении обвиняемого.

В свою очередь, влияние международного права на национальную правовую систему в данной сфере, где пересекаются деятельность государства и правореализация конкретного индивида, также сложно переоценить, поскольку именно под влиянием международного права создавался, а в последующем активно совершенствовался ныне действующий уголовно-процессуальный закон.

Так, В.И. Солодкая совершенно верно подчеркивает, что международные стандарты являются своеобразной моделью для развития правовой системы и совершенствования процессуальных механизмов государственной деятельности в сфере уголовного процесса, при этом отмечая, что правовой статус обвиняемого в полной мере соответствует международным стандартам¹.

В свою очередь М.В. Эсендилов и вовсе утверждает, что основные нормативно-правовые акты международного характера, и в частности, Европейская Конвенция о защите прав человека и основанная на них практика судов по защите прав человека, во многом определяют вектор развития системы по защите прав обвиняемого, а также выработке гарантий таких лиц по их реализации².

Иную позицию занимает Н.С. Ермишина, которая полагает, что имплементация европейских стандартов в области обеспечения прав обвиняемого в национальное уголовно-процессуальное законодательство носит достаточно непоследовательный, бессистемный характер, приводящий к фактическому отсутствию реализации соответствующих мировых стандартов³.

¹ Солодкая В.И. О роли международно-правовых норм и стандартов как средства правового регулирования процессуального положения обвиняемого // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 2. С. 101.

² Эсендилов М.В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого // Мудрый юрист. 2019. № 1. С. 79.

³ Ермишина Н.С. Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: автореф. дис...канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 8.

Для того, чтобы установить степень фактической реализации международных стандартов в области обеспечения прав обвиняемого, по мнению автора, необходимо, во-первых, исследовать наиболее значимые международно-правовые акты в данной области, а во-вторых, попытаться соотнести с тем уголовно-процессуальными нормами, посвященными процессуальным статусам подозреваемого и обвиняемого, которые отвечают за их реализацию.

Первым и наиболее значительным международным правовым актом, заложившим в свое время фундамент для развития правовых систем демократических стран, выступает Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 года¹, в которой закреплены, как обязательные для реализации во всех странах – членах ООН, наиболее общие права и свободы человека, а также обстоятельства их возможного ограничения.

Так, в данном нормативно-правовом акте нашли свое отражения и основные права обвиняемого, а именно:

1. право на гласное и справедливое судебное разбирательство беспристрастным и независимым судом по факту предъявленного обвинения (статья 10);
2. презумпция невиновности и право на защиту любым законным способом (часть 1 статьи 11)².

Нормативные положения данного акта, носят общий и абстрактный характер, являясь неким «ориентиром», которому должны следовать все государства-члены ООН при конструкции уголовно-процессуального законодательства и, в частности, при определении прав и гарантий обвиняемого.

Стоит отметить, что подобные положения Конвенции ООН нашли свое

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.)
// Российская газета. № 67. 05.04.1995. URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/. (дата обращения: 28.03.2021)

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.)
// Российская газета. № 67. 05.04.1995. URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 28.03.2021).

отражение как в Конституции РФ, так и в уголовно-процессуальном законе - в разделе «принципы уголовного судопроизводства», что говорит о ориентированности национального законодателя именно на международные нормы.

Более конкретизированный характер права и гарантии обвиняемого имеют в другом международно-правовом акте – Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, в части 3 статьи 14 которого закреплены следующие гарантии реализации прав обвиняемого:

1. быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявленного ему уголовного обвинения;

2. иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься со своим защитником;

3. быть судимым без неоправданной задержки;

4. быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным о возможности его назначения, в том числе безвозмездно;

5. допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него;

6. пользоваться помощью переводчика бесплатно, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке;

7. не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным¹.

Указанные права обвиняемого и гарантии реализации прав обвиняемого, уже рассматривались автор, либо будут рассмотрены позднее, однако одно из них выделяется, поскольку, в отличие от всех остальных, не имеет прямого

¹ О гражданских и политических правах: Международный Пакт от 16.12.1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

закрепления в статье 47 УПК РФ, а значит нет так очевидно и его реализация в рамках отечественного уголовно-процессуального закона - речь идет о праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей.

Так, в УПК РФ нет прямого права у обвиняемого на допрос свидетеля, который дает показания против него, однако такая возможность, а также гарантии, связанные с реализацией данного права, заложены в различных нормах уголовно-процессуального закона.

Во-первых, в уголовно-процессуальном законе закреплено такое следственное действие, как очная ставка, которая, в соответствии со статьей 192 УПК РФ, производится при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

В рамках данного следственного действия у обвиняемого имеется возможность выслушать показания лица, свидетельствующего против него, дать пояснения и объяснения по поводу данных показаний, а также задать вопрос указанному лицу.

Более того, в соответствии с частью 2.1. статьи 281 УПК РФ, показания лица (потерпевшего, свидетеля), которые были им даны в рамках досудебного производства, могут быть оглашены в отсутствие такого лица, лишь при условии того, что подсудимому была предоставлена возможность оспорить данные показания в предыдущих стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, законодатель подобной нормой вывел из числа доказательств показания, полученные от лиц в ходе досудебного производства, в тех случаях когда они не могут дать их в рамках судебного разбирательства, и в отношении которых подсудимому не было предоставлено право допросить их, как лиц, показывающих против него.

В связи с этим, очная ставка приобретает не только значение инструмента собирания доказательств по уголовному делу, но и также обеспечения права обвиняемого на защиту в части оспаривания показаний лиц, свидетельствующих против него, причем единственного в рамках досудебного производства, поскольку на сегодняшний день отечественным уголовно-

процессуальным законом не предусмотрено иных средств оспаривания подобных показаний.

Стоит отметить, что очная ставка оценивается как наиболее эффективное, и можно сказать, единственное средство реализации права, закрепленного в пункте «d» ч.3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, на различных правоприменительных уровнях.

Например, в Постановлении Европейского Суда по правам человека «Кушта против Польши» Суд отмечает, что наличие у обвиняемого права не свидетельствовать против себя, приобщать к материалам дела свои доказательства, пользоваться помощью защитника, а также присутствие в конкретном уголовном деле иных доказательств, подтверждающих достоверность показания лица, свидетельствующего против обвиняемого не может умалять факт нарушения права обвиняемого допрашивать указанное лицо и оспаривать его показания в рамках очной ставки¹.

Подобным образом оценивает значение очной ставки и Конституционный Суд РФ, который подчеркивает, что обеспечение права, закрепленного в пункте «d» ч.3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года возможно путем производства очных ставок между обвиняемым и лицом, показывающим против него и предоставления возможности обвиняемому задать указанному лицу вопросы².

Ко всему прочему, в кругах ученых-процессуалистов очная ставка также оценивается не только как средство доказывания, но и как способ обеспечения обвиняемого на защиту и справедливое судебное разбирательство.

¹ По делу Кушта (Kuchta) против Польши (жалоба № 58683/08) «По делу обжалуется постановление приговора на основании показаний других подсудимых по делу в отсутствие возможности очной ставки со свидетелями. По делу были нарушены требования подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»: Постановлении ЕСПЧ от 23.01.2018 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 7.

² По запросу Абинского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности положений статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и по жалобам граждан Фомина Дмитрия Евгеньевича, Шуленкова Александра Николаевича и Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение их конституционных прав положениями той же статьи: Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2006 г. № 548-О // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2007.

Так, С.Б. Россинский считает, что очная ставка — это одновременный допрос следователем определенных участников уголовного судопроизводства в присутствии друг друга, направленный как на установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, так и на предварительное обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство¹.

В свою очередь, О.В. Полстовалов и вовсе утверждает, что очная ставка утратила свое доказательственное значение ввиду своей малой эффективности и приобрела сугубо правообеспечительное значение, что превратило ее производство не в право, а в обязанность следователя под угрозой потери доказательственного значения показаний соответствующего свидетеля (потерпевшего)².

По мнению автора, именно подобное значение должна иметь на сегодняшний день очная ставка в рамках досудебного производства по уголовному делу, поскольку именно данное следственное действие в полной мере позволяет обвиняемому реализовать свое право на допрос лица, свидетельствующего против него.

Однако, современная конструкция правовой нормы, посвященной очной ставке, в совокупности со статьей 38 УПК РФ, определяющей, что следователь самостоятельно определяет ход расследования, что подразумевает и принятие решение о производстве конкретных следственных действий, позволяет говорить об отсутствии всеобъемлющего характера реализации права, закрепленного в пункте «д» ч.3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года.

Несмотря на то, что правоприменительная практика различных уровней идет по пути обязательного производства очной ставки между обвиняемым и лицом, показывающим против него, нельзя оставить без внимания тот факт, что

¹ Россинский С.Б. Очная ставка как предварительная процессуальная гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 152.

² Полстовалов О.В. Очная ставка: непрозрачные перспективы, неэффективная тактика и сомнительная польза // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1(47). С. 128.

на законодательном (в сущности, высшем) данные идеи реализованы опосредовано.

В связи с этим, автор предлагает статью 192 УПК РФ дополнить частью 1.1 в следующей редакции: по ходатайству подозреваемого (обвиняемого) возможно производство очной ставки между подозреваемым (обвиняемым) и лицом, показывающим против него, обязательно.

Изучив международные нормы и стандарты, посвященные обеспечению прав и гарантий обвиняемого и их реализацию в уголовно-процессуальном законе РФ, можно сделать следующие выводы:

1. Согласно части 3 статьи 1 УПК РФ международные нормы являются составной частью правовой системы РФ. Даже в свете принятых относительно недавно, поправок в Конституцию РФ, которые в некоторой степени принизили их значение для России, которые выступают, с одной стороны некоторым ориентиром построения правоотношений в сфере обеспечения прав и свобод человек, а с другой стороны служат правовым фундаментом для данных процессов. Положения международных актов, регламентирующие процессуальный статус подозреваемого (обвиняемого) нашли свое отражение в нормах отечественного законодательства. Правовому статусу обвиняемого, в том числе в части закрепления его прав и гарантий, уделено большое внимание во многих международных актах, поскольку данная фигура, являясь центральной фигурой уголовного процесса, наиболее уязвима с точки зрения необоснованного и незаконного ущемления и поражения его прав и свобод.

2. Наиболее опосредовано реализовано право обвиняемого на допрос лица, показывающего против него. Так, на сегодняшний день не предоставление данной возможности обвиняемому в рамках досудебного производства, порождает лишь невозможность оглашения соответствующих показаний лица, в тех случаях, когда он не явился на судебное заседание. Однако, на самых разных правоприменительных уровнях подчеркивается необходимость производства очной ставки для реализации соответствующего права; тем не менее, законодательно такой обязанности у следователя не существует, что

является упущением, которое автор предлагает устранить путем дополнения частью 1.1 статью 192 УПК РФ в следующей редакции: по ходатайству подозреваемого (обвиняемого) возможно производство очной ставки между подозреваемым (обвиняемым) и лицом, показывающим против него, обязательно.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ (ОБВИНЯЕМОМУ) ПРАВА НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Реализация подозреваемым (обвиняемым) права на защиту в отсутствии защитника

Определяя перечень субъектов, чьи права на защиту гарантированы принципом обеспечения права на защиту, УПК РФ называет исключительно подозреваемых и обвиняемых. Применительно к данным участникам, право на защиту является комплексным правом, состоящим из отдельных процессуальных прав, гарантированных законодательством. По мнению И.А. Насоновой, в содержание права на защиту входят:

- процессуальные права подозреваемого (обвиняемого), которые он может использовать лично;
- право подозреваемого (обвиняемого) иметь защитника;
- права защитника, которыми он располагает для защиты подозреваемого (обвиняемого)¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 16 УПК РФ подозреваемому и обвиняемому, в том числе осужденному, обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. Указанное право предполагает реализацию комплекса процессуальных прав, как на досудебном производстве, так и согласно п. 16 ч. 4 ст. 47 УК РФ право обвиняемого участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций.

Комплекс процессуальных прав, составляющих в целом право на защиту

¹ Насонова И.А. Об эффективности участия защитника в следственных действиях // Российский следователь. 2008. № 23. С. 10-12.

подозреваемого и обвиняемого, можно выявить при анализе статьи 46 и статьи 47 УПК РФ. Так, право подозреваемого на защиту от предъявленного подозрения, включает в себя следующие процессуальные права:

- знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения;

- давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний.

- пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного пунктами 2-3.1 части третьей статьи 49 УПК РФ, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого;

- представлять доказательства;

- заявлять ходатайства и отводы;

- давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет;

- пользоваться помощью переводчика бесплатно;

- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания и другие права.

Право на защиту обвиняемого более широкое, так как включает в себя все процессуальные права, которыми обладает данный участник в ходе производства по уголовному делу. В соответствии с делением уголовного судопроизводства на две части – досудебную и судебную, можно рассматривать право обвиняемого на защиту также применительно к досудебному производству, и к судебному производству.

В досудебном производстве право обвиняемого на защиту включает в себя следующие процессуальные права:

- знать, в чем он обвиняется, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, по которому он привлечен в качестве обвиняемого,

- получить копию постановления о привлечении его в качестве

обвиняемого, копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления;

– возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний.

– представлять доказательства;

– заявлять ходатайства и отводы;

– давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет;

– пользоваться помощью переводчика бесплатно;

– пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;

– иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности;

– знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта;

– знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме;

– возражать против прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным частью второй статьи 27 УПК РФ.

Рассмотрим процессуальные права обвиняемого, которые он может реализовать лично, без участия защитника. Несмотря на то, что обвиняемый не обладает достаточными знаниями и навыками, чтобы противостоять стороне обвинения, на что указывает С.В. Юношев¹, закон предоставляет ему достаточно возможностей, чтобы обеспечить собственную защиту самостоятельно. Для этого, на сторону обвинения, в лице органов

¹ Юношев С.В. О соотношении права обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь и права на защиту // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 2 (33). С. 54.

расследования, возлагается обязанность по разъяснению обвиняемому его процессуальных прав, и созданию условий для их эффективной реализации.

Итак, начнем исследование с анализа права обвиняемого на пользование родным языком, и производного от него права – права на помощь переводчика. В статье 18 УПК РФ закрепляется, что участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика, а документы, подлежащие обязательному вручению обвиняемому, должны быть переведены на его родной язык или на язык, которым он владеет.

Предоставляя обвиняемому право на помощь переводчика, следователь должен достоверно установить необходимость в реализации этого права. Как отмечает Б.В. Пимонов, следователь обязан «установить объективные сведения о не владении или недостаточности владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Полученная следователем информация в обязательном порядке должна быть отражена в процессуальных документах»¹. В российской правоприменительной практике, как правило, предоставление обвиняемому переводчика происходит на основании соответствующего ходатайства стороны защиты. При этом, как отмечает Б.В. Пимонов, в результате проведенного им интервьюирования установлено, что 76% следователей и дознавателей, со стажем работы от 10 до 15 лет отметили, что нередки ситуации, когда ходатайства о помощи переводчика заявляются подозреваемыми и обвиняемыми в совершенстве владеющими языком судопроизводства².

Более того, 35% респондентов отмечали, что при предоставлении

¹ Пимонов Б.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 32.

² Там же.

обвиняемым переводчика, они часто заявляют о том, что не могут понять сделанный перевод, и нужен другой переводчик, владеющий редким диалектом. Это свидетельствует о явном злоупотреблении обвиняемыми предоставленного им права. Обвиняемые умышленно затягивают срок производства по уголовному делу и создают органам расследования дополнительные препятствия для оперативного расследования уголовного дела¹.

Пресекая возможные злоупотребления со стороны обвиняемых и их защитников, органы расследования и суд вправе своим мотивированным решением отказывать в удовлетворении ходатайств о предоставлении переводчика. Однако такое решение должно подтверждаться достаточной совокупностью доказательств, подтверждающих свободное владение обвиняемым языком судопроизводства. В качестве таких доказательств выступают: характеристики с места работы, учебы, жительства, места службы и т.д.; документы об образовании; водительское удостоверение и т.д. Если обвиняемый имеет судимости, то целесообразно запросить приговоры и характеристики с места отбытия наказания.

К сожалению, до настоящего времени в науке уголовного процесса не выработаны единые критерии, позволяющие определить степень владения участника языком судопроизводства. Большинство авторов считают, что переводчик необходим тогда, когда обвиняемый не понимает значение происходящих с ним событий, вызванных возбуждением уголовного преследования и его участием в уголовном судопроизводстве.

Как отмечает Т.В. Жеребило, «владение языком – это способность человека понимать и синтезировать высказывания, что связано со следующими умениями:

- отличать правильные высказывания от неправильных;
- дифференцировать сходные по форме, но различные по смыслу высказывания;

¹ Пимонов Б.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 33.

– выбирать из конкурирующих средств наиболее адекватные данной коммуникативной ситуации выражения (способность к перефразированию)»¹.

Если следователь сомневается в способности обвиняемого, подозреваемого адекватно воспринимать происходящее с ним, объективно оценивать ситуацию и принимать взвешенные решения по своему участию в производстве по уголовному делу, в связи с трудностями в понимании языка судопроизводства, орган расследования должен решить вопрос о предоставлении обвиняемому, подозреваемому переводчика. И здесь также есть вопросы, которые до сих пор не решены в законодательстве.

Например, какими качествами должен обладать переводчик; должен ли быть у переводчика необходимый уровень образования; кто и как должен подтверждать правильность перевода. Эти и другие вопросы, которые часто возникают на практике, должны получить свое разрешение в действующем законодательстве, т.к. от их разрешения зависит в конечном итоге обеспечение права обвиняемого и подозреваемого.

В судебном производстве у обвиняемого (подсудимого) появляются дополнительные права, обусловленные его участием в судебных заседаниях. Так, реализуя права на защиту в судебном производстве, осужденный вправе непосредственно участвовать в судебных заседаниях судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Это право можно рассматривать как основное в судебных стадиях.

Несмотря на наличие такого заявления, в судебном заседании президиума Ставропольского краевого суда было констатировано, что Мирза Г.А. отказался от участия в судебном заседании и дело было рассмотрено в кассационном порядке в его отсутствие. При этом, однако, каких-либо документов, свидетельствующих о реальности отказа осужденного от участия в судебном заседании, исследовано не было, и в материалах дела таковые отсутствуют.

Таким образом, при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции было допущено существенное нарушение уголовно-процессуального

¹ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим. 2010. С. 61.

закона, которое не позволило осужденному Мирзе Г.А. реализовать в полной мере свое право на защиту, представить суду данные, свидетельствующие о наличии оснований для пересмотра приговора. Такое нарушение является основанием для отмены принятого по делу судебного решения и передачи уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд той же инстанции.

Следующее право, которое мы рассмотрим, это право обвиняемого на неприкосновенность жилища и предусмотренная законом (ст. 165 УПК РФ) возможность ограничивать это право без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства. Предоставляя такую возможность, законодатель устанавливает дополнительный судебный контроль, позволяющий обеспечить соблюдение прав и свобод человека, что на первый взгляд исключает какие-либо проблемы в этом вопросе.

Так, часть 1 ст. 165 УПК РФ предусматривает, что «в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в части первой статьи 104.1 УК РФ, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения.

В этом случае следователь или дознаватель не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в срок, предусмотренный частью второй настоящей статьи, проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В случае, если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со статьей 75 УПК РФ».

Однако использование законодателем терминологии «не терпит отлагательства» имеющей оценочный характер, не позволяет выработать единый объективный механизм применения этой нормы. Полагаем что в законе должны быть обозначены четкие критерии «не терпящих отлагательства обстоятельств», при наличии которых орган расследования может ограничить права обвиняемого на неприкосновенность жилища.

Как вариант решения этой проблемы можно рассмотреть предложение И.В. Прибытковой. Рассматривая данную ситуацию применительно к охране прав обвиняемого, И.В. Прибыткова указывает, что «основаниями же проведения следственного действия является наличие данных о возможности получения искомых доказательств. Если такие данные отсутствуют, то и проведение следственного действия, безосновательно, что приводит к нарушению прав обвиняемого. Информация о наличии таких данных, имеющих значение для уголовного дела, может находиться в протоколах допросов, очных ставок, в заключениях экспертиз, в рапортах должностных лиц»¹.

Мы присоединяемся к позиции автора и считаем необходимым внести дополнение в ст. 165 УПК РФ, в части раскрытия случаев, не терпящих отлагательств. Речь идет об обстоятельствах, возникающих в связи с необходимостью пресечения или предупреждения совершения преступления, а также создающих убежденность у следователя, дознавателя, что промедление может привести к уничтожению, повреждению, изменению, утрате данных, имеющих доказательственное значение по уголовному делу под воздействием природных явлений или действиям лиц, при отсутствии возможности обеспечения их сохранности.

Следующее право, которое обвиняемый, подозреваемый может реализовать в отсутствии защитника – это дача показаний. Общеизвестно, что дача обвиняемым, подозреваемым показаний имеет двойное значение. С одной стороны, это право обвиняемого, реализуя которое он обеспечивает

¹ Прибыткова И.В. Обеспечение права на неприкосновенность жилища обвиняемого и законность вторжения в него // Достижения науки и образования. 2018. № 19 (41). С. 50-55. С. 52.

собственную защиту. С другой стороны – это средство доказывания. И в том, и в другом случае остро стоит вопрос о достоверности полученных показаний обвиняемого, подозреваемого.

Если следователь сомневается в их достоверности, то он дает им соответствующую оценку и не включает в доказательственную базу по уголовному делу и как следствие, они не вызывают юридических последствий. Если же показания обвиняемого подтверждаются другими доказательствами по уголовному делу, то они используются в доказательственной базе, наряду с другими доказательствами.

Вместе с тем, в действующем законодательстве остается нерешенным вопрос дачи обвиняемым ложных показаний. Вопрос заключается в следующем: подлежит ли уголовной ответственности обвиняемый, дающий заведомо ложные показания? Или эти показания следует рассматривать как его способ защиты? Следует вспомнить законодательное правило, позволяющее подозреваемым и обвиняемым защищаться любыми способами и средствами, не запрещенными законом. Это правило закрепляется в п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, и п.21 ч.4 ст.47 УПК РФ. В обоих случаях речь идет о средствах и способах, не запрещенных именно Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

В своем толковании этого положения Верховный Суд РФ ориентируется на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и ч.2 ст.16 УПК РФ, гарантирующим каждому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. На основе конституционно-правовых положений уголовно-процессуальный закон (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) предоставляет обвиняемому (подсудимому) право возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. Обвиняемый не несет ответственность за дачу ложных показаний.

Применяя указанные положения в уголовном деле по обвинению Т., Верховный Суд РФ отметил, что «в нарушение требований вышеназванных норм закона наказание Т. было назначено, как об этом указано в приговоре, «с учетом того, что Т. как в ходе предварительного следствия, так и в ходе

судебного разбирательства, скрывая не только действительные факты и обстоятельства совершенного совместно с другими участниками организованной группы преступления, но и собственное участие в его совершении, вводил органы следствия и суд в заблуждение, препятствуя тем самым установлению истины по делу»¹.

Как видим, избранный осужденным Т. способ защиты от предъявленного ему обвинения суд учел в качестве обстоятельства, отягчающего его наказание. Поскольку вышеприведенное указание суда в приговоре противоречит закону, оно подлежит исключению.

Судебная коллегия изменила приговор суда в отношении Т., исключила из описательно-мотивировочной части приговора указание на то, что «наказание Т. назначено с учетом того, что Т. как в ходе предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, скрывая не только действительные факты и обстоятельства совершенного совместно с другими участниками организованной группы преступления, но и собственное участие в его совершении, вводил органы следствия и суд в заблуждение, препятствуя тем самым установлению истины по делу».

Как справедливо отметил С.В. Романов, право обвиняемого на защиту не является абсолютным. «Обвиняемый не может использовать для своей защиты любые аргументы. Возможность привлечь его к уголовной ответственности не означает умаление права на защиту»². В связи с этим, автор предлагает различать заведомо ложные показания обвиняемого и ложные показания обвиняемого. В первом случае злоупотребление правом, если оно сопряжено с ложной информацией в отношении конкретного лица, влечет применение к нему мер уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Во втором случае ложные показания обвиняемого следует рассматривать

¹ Определение Верховного Суда РФ от 27.04.2009 г. № 4-о09-43СП. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=119628#004471039612011263> . (дата обращения: 14.04.2021).

² Романов С.В. Право подозреваемого и обвиняемого на защиту: пределы осуществления, возможность и последствия злоупотребления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 4. С. 14-37. С. 30.

в качестве злоупотребления права на защиту, не вызывающее для обвиняемого юридически значимых последствий. Аналогичный подход и в немецкой теории уголовного процесса. Немецкими процессуалистами признается, что у обвиняемого нет обязанности давать правдивые показания¹.

Следующее право обвиняемого напрямую связано с реализацией права на защиту. В соответствии с ч. 3 ст. 47 УПК РФ, обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Однако, как отмечает М.М. Коблева, именно это право нарушается чаще всего: обвиняемому не предоставляется достаточно времени для подготовки к защите². Это выражается в том, что обвиняемый ограничивается во времени при ознакомлении с материалами уголовного дела, с иными документами; не предоставляется необходимое время для консультации с защитником и подготовки к защите.

К сожалению, это право обвиняемого даже нарушается при первой встрече обвиняемого со своим защитником, несмотря на то, что закон прямо закрепляет его право на первое свидание с защитником, в том числе до первого допроса обвиняемого не менее чем на два часа. При установлении факта нарушения права на достаточное время для подготовки к защите в последующих стадиях, все принятые решения по уголовному делу подлежат отмене.

Отдельно остановимся на праве обвиняемого оспаривать показания свидетеля и потерпевшего, которое введено в уголовно-процессуальное законодательство принятием федерального закона от 2 марта 2016 года № 40-ФЗ³. Согласно части 2.1 ст. 281 УПК РФ, в судебном заседании могут быть оглашены показания свидетеля или потерпевшего, данные ими в ходе предварительного расследования, при условии предоставления обвиняемому в

¹ Бойлке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник. Красноярск, 2004. С. 86.

² Коблева М.М. Процессуальные права обвиняемого в уголовном процессе // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 1. С. 23-28.

³ О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.03.2016. № 10. Ст. 1314.

предыдущих стадиях производства, возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Учитывая, что законодатель не определяет специальный механизм оспаривания таких показаний, в уголовно-процессуальной науке этот вопрос приобретает особую актуальность.

По мнению, например, И.Ю. Потемкина, право обвиняемого оспорить показания, означает его право на допрос показывающих против него участников процесса¹. Учитывая, что в этом случае речь идет об экстраполяции конвенционального права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей, права на вызов и допрос этих свидетелей в суде, правильное говорить не о возможности обвиняемого, а о его праве, которое должно быть четко закреплено в законе. Поэтому следует изменить формулировку части 2.1 ст.281 УПК РФ, заменив слово «возможность», на слово «права», а также дополнить перечень процессуальных прав обвиняемого, содержащийся в ст.47 УПК РФ, отдельным пунктом, закрепляющим право обвиняемого оспаривать доказательства стороны обвинения в форме участия в очных ставках, задавать вопросы участникам, дающим против него показания и высказывать свои возражения.

В целом все права обвиняемого, составляющее его комплексное право на защиту, должны быть четко обозначены в статье 47 УПК РФ. Только тогда исполнение органом расследования своей обязанности по разъяснению обвиняемому его прав, будет действительно действенным и эффективным. Наряду с этим в ст. 47 УПК РФ должны также отражаться процессуальные обязанности, возлагаемые на обвиняемого и меры уголовно-процессуального принуждения, обеспечивающие их исполнение.

Реализация следующего права обвиняемого также зависит от исполнения органом расследования своих полномочий. Каждый обвиняемый имеет право быть уведомленным о характере и основании предъявляемого ему обвинения, с тем, чтобы в ходе предварительного расследования иметь возможность

¹ Потемкин И.Ю. К вопросу о гарантиях права обвиняемого на оспаривание показаний свидетеля и потерпевшего // Российские исследования в области права и политики. 2019. Т. 3. № 1. С. 43-50.

представить доказательства своей невиновности, либо смягчающие обстоятельства.

Реализация этого права предполагает возложение на органы расследования определенной процессуальной обязанности по разъяснению обвиняемому сути и содержания предъявляемого обвинения. Однако, как полагает В.И. Солодкая, реализация этого права при производстве дознания, имеет существенные проблемы¹. Учитывая, что при производстве дознания статус обвиняемого приобретается при окончании расследования – с момента составления обвинительного акта или постановления, обвиняемый приобретает возможность защищать свои права только в суде. До момента приобретения статуса обвиняемого уполномоченное должностное лицо не обязано разъяснять лицу суть предъявляемого обвинения. Разрешая данный вопрос, автор предлагает внести изменения в действующее законодательство, в части введения в порядок производства дознания института предъявления обвинения.

Однако здесь можно поспорить с В.И. Солодкой. Действительно до окончания расследования, дознаватель не обязан разъяснять лицу суть обвинения. Однако не стоит забывать, что в этом случае речь идет о участнике уголовного судопроизводства – подозреваемом, который по своему процессуальному статусу близок со статусом обвиняемого. В соответствии с п.1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается и получать соответствующие процессуальные документы. Полагаем данные процессуальные действия в полной мере могут компенсировать отсутствие обязанности дознавателя разъяснять суд обвинения.

Таким образом, действующее законодательство в достаточной мере обеспечивает условия для реализации обвиняемым и подозреваемым своего права на защиту. Однако реализация отдельных прав еще нуждается в дополнительной детализации и конкретизации на уровне закона. На сегодняшний день актуальным остается процесс оспаривания: ввиду того, что

¹ Солодкая В.И. Обеспечение права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 76.

уголовно-процессуальным законодательством, в частности ч. 2.1 статьи 281 УПК РФ, устанавливается возможность оспаривания предусмотренными законом способами доказательств, полученных в ходе производства следственных действий с участием потерпевшего или свидетеля, появляется необходимость регулирования данного механизма путем внесения изменения в ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ и дополнения в ч. 4 ст. 47 УПК РФ.

§ 2. Право подозреваемого (обвиняемого) на защиту в случаях обязательного участия защитника

Право обвиняемого, подозреваемого на защиту закрепленное на уровне принципа уголовного судопроизводства, является одним из основополагающих прав, действующих в российском уголовном процессе. Реализация этого права осуществляется в двух формах: лично обвиняемым, подозреваемым; и (или) с помощью защитника, назначенного органами расследования или судом, либо приглашенного стороной защиты.

Несмотря на диспозитивный характер права на защиту, в УПК РФ предусмотрены случаи обязательного участия защитника. Так, в соответствии со ст. 51 УПК РФ, участие защитника обязательно, если обвиняемый, подозреваемый по своей инициативе, в письменной форме не отказался от защитника. Участие защитника обязательно также, если обвиняемый, подозреваемый является несовершеннолетним, не владеет языком судопроизводства; либо в силу физических или психических недостатков не может осуществлять свою защиту самостоятельно.

К указанным недостаткам относятся случаи, когда у обвиняемого имеется психическое расстройство, не исключающее его вменяемости; либо если обвиняемый страдает существенным дефектом зрения, слуха, речи и другими

недугами, затрудняющими самостоятельное осуществление права на защиту.

Участие защитника также обязательно, если лицо обвиняется в преступлении, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Кроме этого в законе закрепляются случаи обязательного участия защитника, обусловленные применяемой процедурой судопроизводства. Так, участие защитника обязательно, если производство по уголовному делу осуществляется: в порядке сокращенного дознания; в судебном производстве осуществляется без участия подсудимого; если уголовное дело рассматривается в особом порядке; а также рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

В случаях обязательного участия защитника, обязанность обеспечить его участие лежит на должностном лице, ведущем производство по уголовному делу. Если исходить из того, что участие защитника обязательно, во всех случаях, когда обвиняемый не отказался от защитника, то следует признать, что это право обвиняемого связано с его процессуальным статусом и реализуется автоматически, без каких-либо дополнительных действий со стороны обвиняемого.

То есть, как только в производстве по уголовному делу появляется обвиняемый, должен появиться и его защитник. При этом закон закрепляет два способа вступления защитника в производство по уголовному делу. Первый способ реализуется посредством заключения соглашения между обвиняемым или его представителями (родственниками) с адвокатом. Второй способ предусматривает назначение защитника должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу. На досудебном производстве защитника назначает следователь или дознаватель. В судебном производстве защитник назначается решением суда.

Следовательно, в российском уголовном процессе фигуры обвиняемого и его защитника возникают последовательно, одна за другой. Между тем, учитывая, что статус защитника в определенном смысле является производным

от статуса обвиняемого, вполне закономерно, что появление этой фигуры – защитника, и ее деятельность должны быть обусловлены желанием и волей обвиняемого. Поэтому если обвиняемый, на определенном периоде или этапе производства принимает решение об отказе от защитника – конкретного, или вообще от защитника, его желание должно учитываться. Более того, оно должно быть определяющим при принятии должностным лицом решения о дальнейшем участии защитника.

К сожалению, в действующем законодательстве этот вопрос регулируется по-иному. В соответствии со ст. 52 УПК РФ, отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. И здесь не обсуждается способ вступления адвоката в уголовный процесс. Любой способ, будь то назначение, или соглашение сторон, не влияет на принятие решения о продолжении деятельности защитника при заявленном обвиняемом отказе.

В адвокатском сообществе по рассматриваемому вопросу возникла дискуссия. По мнению Г. Резника, «позиция, согласно которой адвокат при расторгнутом соглашении вправе выйти из дела, только когда следователь или суд выразит свое соизволение, – «отрыжка» розыскного советского правосудия с его взглядом на адвоката в процессе как объект неограниченного государственного пользования»¹.

Иной позиции придерживается Г. Шаров, вице-президент ФПА РФ. По его мнению, «пользоваться помощью защитника – это право, а не обязанность обвиняемого, поэтому на любом этапе производства по делу он может отказаться от защитника, и этот отказ, как правило, обязателен для следователя и суда». Далее Г. Шаров поясняет, что «когда заявление об отказе от защитника – это осознанное процессуальное действие обвиняемого, которое он совершает свободно и добровольно, уклонение от рассмотрения такого заявления либо отказ в его удовлетворении следователем или судом является незаконным и необоснованным ограничением субъективного права личности, поскольку не

¹ Сборник материалов к конференции «Двойная защита и удаление адвоката из судебного процесса: проблемы законодательного и этического регулирования». М.: Федеральная палата адвокатов, 2019. С. 7.

позволяет обвиняемому осуществлять свое право на защиту самостоятельно и вопреки его воле принуждает пользоваться помощью адвоката – защитника»¹.

В дальнейшем Г. Резник пересмотрел свои взгляды, и высказал следующую позицию. По его мнению, если защитник по назначению привлечен к делу с самого начала производства, и осуществляет свою деятельность параллельно с адвокатом-защитником по соглашению, то заявленный подсудимым отвод назначенному защитнику должен приниматься судом, а сам защитник должен покинуть зал судебного заседания.

Другая ситуацию, по мнению Г. Резника, если речь идет о защитнике-адвокате (защитник-дублер), вступившем в дело по назначению суда, в связи с затягиванием процесса подсудимым и его защитником по соглашению. В таких случаях адвокат-защитник, несмотря на заявленный подсудимым отказ, должен принять поручение суда на защиту подсудимого и осуществлять защиту.

Однако и эта позиция Г.М. Резника подверглась острой критике со стороны Г. Шарова, к которой мы полностью присоединяемся. Во-первых, отказ от защитника не должен рассматриваться как злоупотребление правом на защиту. Это право гарантировано законом и реализуется обвиняемым по своему усмотрению. Если же явное затягивание процесса исходит от защитника-адвоката, то данные действия рассматриваются как дисциплинарный проступок и вызывают соответствующую реакцию со стороны совета адвокатов. Во-вторых, назначение защитников-дублеров должно учитывать волеизъявление обвиняемого. При наличии у обвиняемого избранного им защитника, назначение судами защитников-дублеров вопреки воле обвиняемого, является незаконным. В-третьих, не понятно, кто и как должен признавать «явное затягивание производства», вызванное действиями защитника по соглашению? Если это позиция суда, который принимает решение о назначении защитника-дублера, то кто должен это контролировать? По всей видимости эти вопросы должны быть разрешены на уровне закона.

¹ Сборник материалов к конференции «Двойная защита и удаление адвоката из судебного процесса: проблемы законодательного и этического регулирования». М.: Федеральная палата адвокатов, 2019. С. 9.

Следовательно, основное значение в решении следователем или судом вопроса об удовлетворении отказа обвиняемого от защитника, выступает оценка того, является ли заявленный отказ добровольным и свободным волеизъявлением обвиняемого; нет ли причин для того, чтобы признать заявленный отказ вынужденным и создающим условия для причинения вреда интересам обвиняемого.

Полагаем, что первым решить этот вопрос должен именно адвокат-защитник, в отношении которого заявлен отказ обвиняемым. Защитник должен проверить, насколько заявленный отказ от его участия высказан добровольно, не связан с имущественной несостоятельностью и другими причинами. При подтверждении добровольности, защитник должен обратиться к следователю или суду с заявлением о принятии отказа обвиняемого от защитника. В этом же заявлении адвокат должен заявить о его выходе из производства по уголовному делу, в связи с отказом обвиняемого от его участия.

Если у защитника возникнут сомнения в добровольности заявленного обвиняемым отказа, он должен сообщить об этом следователю или суду, который вправе не принять отказ обвиняемого от защитника, и тогда он продолжит свое участие в уголовном деле в качестве защитника. Однако не все суды действуют так. Нередки случаи, когда суды принимают вынужденные отказы от участия защитника и лишают подсудимых права на защиту. Например, Зеленодольский городской суд Республики Татарстан 5 сентября 2018 года вынес приговор по уголовному делу по обвинению Х.А. по части 1 статьи 159, части 1 статьи 115, пункту «к» части 2 статьи 105, пункту «а» части 2 статьи 158, части 1 статьи 105, пункту «а» части 2 статьи 158, пункту «а» части 2 статьи 166 УК РФ, с применением части 3 статьи 69, пункта «а» части 1 статьи 71 УК РФ к лишению свободы на 14 лет 8 месяцев в исправительной колонии строгого режима. Верховный суд республики Татарстан, рассмотрев уголовное дело в апелляционном порядке, оставил приговор без изменения¹.

¹ Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 10.04.2019 г. по делу № 44У-56/2019. URL:

Осужденный Х.А. подал кассационную жалобу в Президиум Верховного суда Республики Татарстан, в которой указал, что апелляционным судом нарушено его право на защиту, поскольку он отказался от защитника в связи с отсутствием у него денежных средств, а суд его отказ принял. При рассмотрении уголовного дела кассационным судом установлено, что действительно осужденный Х.А. в своей расписке от 14 сентября 2018 года отказался от защитника, так как денежные средства направляет на обеспечение малолетнего ребенка.

Суд апелляционной инстанции по собственной инициативе назначил Х.А. адвоката. В судебном заседании, начатом с участием адвоката, осужденный Х.А. отказался от защитника, заявив: «Я отказываюсь от услуг адвоката по назначению суда. Мои денежные средства, которые я зарабатываю, идут на содержание моего малолетнего ребенка. У меня нет денежных средств оплатить защитника».

Суд апелляционной инстанции, несмотря на то, что отказ от защитника носил вынужденный характер, удовлетворил ходатайство осужденного Х.А. и освободил от участия в судебном заседании адвоката по назначению суда. Таким решением суд апелляционной инстанции существенно нарушил право осужденного на защиту. Учитывая, что допущенное нарушение имеет существенный характер, решение апелляционного суда было отменено и уголовное дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение.

Необходимость учета позиции обвиняемого при допуске его защитника предусмотрена и международными актами. В частности, Европейский Суд по правам человека, рассматривая жалобу Мисюкевич против России, указал, что «предоставление юридической помощи является обязательным, если подозреваемый или обвиняемый явным образом не отказался от нее, за исключением определенной категории дел, когда от этого права вообще нельзя отказаться... В настоящем деле интересы заявителя в производстве в суде

первой инстанции представлял адвокат Ф., и не имелось указаний на то, что заявитель намеревался отказаться от юридической помощи в суде кассационной инстанции»¹.

Как видно, Европейский Суд рассматривает обязательное участие адвоката через призму «права, от которого вообще нельзя отказаться». При этом Европейский Суд по правам человека так понимает функции адвоката защитника: основными элементами защиты, к которым должен обращаться адвокат, являются «обсуждение дела, организация защиты, поиск доказательств в пользу обвиняемого, подготовка к допросам, поддержка обвиняемого в данной ситуации и контроль условий содержания под стражей». Исходя из этого, Европейский Суд делает вывод, что предоставление обвиняемому юридической помощи является обязательным, если обвиняемый в явной форме не отказался от нее.

Таким образом мы пришли к выводу, что реализация обвиняемым своего права на защиту всегда должна осуществляться добровольно, без какого-либо принуждения со стороны государственных органов или адвокатов. Даже в случаях обязательного участия адвоката, гарантированного уголовно-процессуальным законодательством, у обвиняемого остается право отказаться от его участия, если этот отказ выражается им добровольно и не может вызвать ограничение или ущемление прав и свобод обвиняемого. Задача следователя и суда при рассмотрении заявленного обвиняемым отказа от участия защитника, убедиться в добровольности заявленного отказа и отсутствии каких-либо обстоятельств, которые бы повлияли на волю и желание обвиняемого.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. ноябрь, 2016; № 12. декабрь, 2016.

§ 3. «Двойная защита» в российском уголовном судопроизводстве

Проблема так называемой «двойной защиты» очевидна и сегодня она требует своего разрешения. Первыми об этой проблеме заговорили в адвокатском сообществе еще 10-12 лет назад. В июле 2019 года свою позицию по этому вопросу высказал Конституционный Суд РФ в своем постановлении № 28-П, которая заключается в следующем: «Интересы правосудия в рамках конкретного судебного разбирательства могут требовать назначения защитника против желания обвиняемого, особенно если обвиняемый существенным и систематическим образом препятствует надлежащему проведению разбирательства, или ему предъявлено обвинение в совершении тяжкого преступления, но он оказывается не в состоянии действовать в своих собственных интересах, или в тех случаях, когда это необходимо для защиты уязвимых свидетелей от дальнейшего стресса или запугивания, если им придется подвергнуться допросу со стороны обвиняемого»¹.

Как считает Конституционный Суд РФ, ст. 52 УПК РФ не исключает возможности оставить без удовлетворения отказ обвиняемого от защитника по назначению, если участвующий в производстве защитник допускает злоупотребление правом на защиту. В качестве злоупотребления Конституционный суд рассматривает недобросовестное использование обвиняемым или адвокатом своих полномочий, в ущерб интересам остальных участников судопроизводства. Конституционную основу такого решения составляют положения ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, предусматривающей, что осуществление лицом своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. Речь идет о следующих действиях: неоднократные заявления о замене защитника, сделанные без достаточных оснований; неявка защитника под разными предлогами в судебное заседание и т.д.

¹ По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 г. № 28-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2019.

В этом же, 2019 году вопросу «двойной защиты» была посвящена конференция, организованная Федеральным Союзом адвокатов России, Федеральной Палатой адвокатов РФ и Адвокатской палатой Московской области, которая прошла 18 октября 2019 года¹. Тема конференции «Проблемы двойной защиты в дисциплинарной практике адвокатских палат».

Примечательно, что сами адвокаты, выступая на конференции отметили, что в данной проблематике просматриваются «спекуляции вокруг понятия «злоупотребление правом на защиту», хотя, как явление это действительно существует. Некоторые адвокаты допускают случаи недобросовестного использования своих полномочий, однако это не должно быть основанием для умаления основополагающего права обвиняемого на защиту.

Выступая на конференции 18 октября 2019 года, профессор Т. Морщакова подвергла резкой критике постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П, в котором фактически легализовано понятие «двойная защита». Основная причина происшедшего, по мнению профессора то, что Конституционный суд «неправильно трактует интересы правосудия, не разграничивая функции сторон в уголовном процессе»². Как следствие, суд рассматривает оказание юридической помощи как публичную цель, достигаемую адвокатами и выделяет задачи адвокатов в достижении целей правосудия. В то же время задача защитника заключается в представлении законных интересов подзащитного, а не в оценивании законности его действий.

Итак, проблема «двойной защиты» обусловлена предоставленной законом возможностью обеспечивать защиту обвиняемых адвокатами и по соглашению, и по назначению. Текст закона не позволяет говорить об альтернативности этих способов участия адвоката защитника. А это значит, что использование одного способа вступления защитника в процесс, не исключает использования другого способа. Поэтому заключение обвиняемым соглашения с адвокатом на его

¹ Двойная защита в контексте общих проблем правосудия //Официальный сайт ФПА. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dvoynaya-zashchita-v-kontekste-obshchikh-problem-pravosudiya/> (дата обращения: 15.05.2021).

² Двойная защита в контексте общих проблем правосудия //Официальный сайт ФПА. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dvoynaya-zashchita-v-kontekste-obshchikh-problem-pravosudiya/> (дата обращения: 15.05.2021).

защиту, не исключает инициативы следователя или суда дополнительно пригласить другого адвоката для выполнения им функций защиты этого же обвиняемого, но уже по назначению. Такие решения принимаются, как правило тогда, когда защитник по соглашению допускает действия, которые можно рассматривать как способ затягивания производства по уголовному делу.

Решение о некорректном поведении защитника принимает следователь или суд, и они же принимают решение о назначении второго защитника. Очень часто такие решения принимаются до истечения 5-суточного срока, предоставляемого законом для явки адвоката. Сложности возникают тогда, когда обвиняемые, заключившие соглашение со «своим» адвокатом, возражают против вступления в дело нового, незнакомого им адвоката. В некоторых случаях адвокаты-дублеры, получив отказ обвиняемого, прекращают исполнение функций защитника и покидают зал судебного заседания, в то время, как суд обязывает адвоката обеспечивать функцию защиты по назначению. В этом и проявляется одна из проблем, которая сегодня беспокоит адвокатское сообщество.

С одной стороны, приглашение адвоката в качестве защитника по соглашению сторон, позволяет каждому обвиняемому в полной мере реализовать свое право на выбор адвоката. Здесь публично-правовой характер обязанности государства обеспечить квалифицированную защиту прав обвиняемых, реализуется через возможность выбора адвоката, обладающего по мнению обвиняемого необходимым набором компетенций и способностей.

Другими словами, ответственность государства в оказании квалифицированной юридической помощи, ограничивается наличием адвокатуры. Именно среди адвокатов обвиняемый должен найти специалиста-юриста, который будет оказывать ему юридическую помощь.

С другой стороны, при заключении соглашения с избранным адвокатом, обвиняемый или его представитель заключает специальный договор или соглашение, которое имеет и частноправовой, и публичный характер. И хотя некоторые юристы считают такой договор гражданско-правовым, мы полагаем, что по своей юридической природе он существенно выходит за рамки частноправовых

отношений, и имеет определенные публично-правовые признаки.

Не случайно в законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹, в ст. 25 пункте 2 установлено, что расторжение соглашения на защиту регулируется Гражданским кодексом РФ², с определенными изъятиями, предусмотренными законом об адвокатуре. Основной публично-правовой признак заключается в невозможности адвоката расторгнуть договор по своей инициативе. Даже тогда, когда обвиняемый отказывается от оплаты гонорара адвоката, он не имеет права прекратить выполнение своих функций по защите.

В качестве примера рассмотрим уголовное дело по обвинению Э., осужденного судом с участием присяжных по п. п. "в", "г" ч. 4 ст. 290 УК РФ и ч. 1 ст. 292 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 381 УПК РФ отменила приговор ввиду нарушения прав подсудимого на защиту. Как видно из материалов уголовного дела, защиту подсудимого Э. в судебном заседании осуществляли два адвоката – К. по соглашению и Ч. по назначению суда, что не противоречит требованиям ч. 1 ст. 50 УПК РФ.

В начале очередного дня судебного заседания председательствующий судья вынес протокольное постановление об отстранении от участия в деле защитника подсудимого адвоката Ч., сославшись на систематические нарушения адвокатом закона и порядка в судебном заседании, проявление явного неуважения к суду, попытки срыва судебных заседаний, совершения действий, препятствующих председательствующему в организации нормального хода процесса.

Из постановления суда видно, что непосредственной причиной отстранения адвоката Ч. от участия в деле явилась его неявка в судебное заседание 10, 12, 15, 17, 19 марта 2010 г., а также 26 января 2010 г. Однако из

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

материалов дела видно, что адвокат Ч. с 10 марта 2010 г. находился на амбулаторном лечении (суду представлена копия листка нетрудоспособности), а 25 января 2010 г. адвокат Ч. находился на обследовании¹.

На первый взгляд, анализ данного уголовного дела позволяет говорить о наличии проблем надлежащего исполнения адвокатами своих полномочий в качестве защитника. Хотя защитником и были представлены документы, подтверждающие уважительность причин его отсутствия, полагаем, что можно было избежать конфликтной ситуации, вызванной отсутствием адвоката в судебном заседании.

Об этом говорил на обозначенной выше конференции и Президент ФПА Ю. Пилипенко, который отметил, что именно затягивание уголовного судопроизводства и породило проблему «двойной защиты». Как отметил Ю. Пилипенко, «если в 70-х годах прошлого века адвокат мог пройти по лесу 25 км на лыжах, чтобы не сорвать процесс, то сегодня многие молодые адвокаты считают затягивание процесса «ценностью», позволяющей рассчитывать на отдельный гонорар». Им же приведена неутешительная статистика, согласно которой за последние 15 лет были убиты около 50 адвокатов, при этом 2/3 совершенных преступлений до сих пор не раскрыты. Все это результат того, что все чаще адвокаты становятся советниками по факту, а не по праву².

Решить проблему «двойной защиты» можно, по мнению Г.М. Резника, если обязать суд, в случае назначения защитника-дублера, устанавливать факт злоупотребления правом со стороны другого адвоката, участвующего в производстве. Речь идет о конкретных действиях защитника, которые являются препятствием для осуществления правосудия и вынуждают следователя или суд ввести в процесс другого защитника по назначению. Если факт злоупотребления не будет установлен, то вводить второго защитника не

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2010 г. по делу № 2-10/10 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/TCBxppgiLsg/> (дата обращения: 17.05.2021).

² Двойная защита в контексте общих проблем правосудия //Официальный сайт ФПА. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dvoynaya-zashchita-v-kontekste-obshchikh-problem-pravosudiya/> (дата обращения: 17.05.2021).

допустимо¹.

Достаточно жестко проблему двойной защиты рассматривает Н. Кипнис, который ставит вопрос о том, что настало время определиться, это новый уголовно-процессуальный институт или существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства?²

Считаем, что не стоит быть столь категоричными в оценке данного явления. Ведь в большинстве случаев недостатки двойной защиты могут быть нивелированы адвокатом-защитником, участвующим в процессе по соглашению сторон. Если этот адвокат будет надлежащим образом исполнять возложенные на него полномочия, т.е. являться для производства следственных действий или в судебное заседание, не затягивать по надуманным причинам сроки судопроизводства, не высказывать необоснованные ходатайства и т.д., то параллельное участие в этом же уголовном деле защитника по назначению будет не нужным. И если даже следователь или суд введут его в уголовное дело, это не приведет к каким-либо ограничениям прав обвиняемого или подсудимого. Следует признать, что защитник по назначению – вынужденная мера, компенсирующая ненадлежащее исполнение обязанностей защитником по соглашению.

Подводя итог рассмотренным выше позициям, можно отметить, что «двойная защита» в современном российском уголовном судопроизводстве скорее негативный, чем конструктивный шаг. Конституционный Суд РФ в своем постановлении пытается решить проблему злоупотребления адвокатами права на защиту, за счет ограничения, а если точнее, полного лишения обвиняемого его права на помощь защитника. Создается ситуация, когда проблемы организации адвокатского сообщества решаются посредством ограничения прав обвиняемых и подозреваемых: злоупотребляет полномочиями адвокат, а ограничиваются права у его подзащитного.

Итак, в заключении главы, изучив проблемы обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту в уголовном судопроизводстве, можно сделать

¹ Там же.

² Двойная защита в контексте общих проблем правосудия //Официальный сайт ФПА. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dvoynaya-zashchita-v-kontekste-obshchikh-problem-pravosudiya/> (дата обращения: 17.05.2021).

следующие выводы:

1. Следует изменить формулировку ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ. Так, согласно части 2.1 ст. 281 УПК РФ, в судебном заседании могут быть оглашены показания свидетеля или потерпевшего, данные ими в ходе предварительного расследования, при условии предоставления обвиняемому в предыдущих стадиях производства, возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Учитывая, что законодатель не определяет специальный механизм оспаривания таких показаний, в правоприменительной деятельности этот вопрос понимается как право обвиняемого на допрос показывающих против него участников процесса. Учитывая, что в этом случае речь идет об экстраполяции конвенционного права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей, права на вызов и допрос этих свидетелей в суде, правильнее говорить не о возможности обвиняемого, а о его праве, которое должно быть четко закреплено в законе. Поэтому следует изменить формулировку части 2.1 ст. 281 УПК РФ, заменив слово «возможности» на слово «права», а также дополнить перечень процессуальных прав обвиняемого, содержащийся в ст. 47 УПК РФ, отдельным пунктом, закрепляющим право обвиняемого оспаривать доказательства стороны обвинения в форме участия в очных ставках, задавать вопросы участникам, дающим против него показания и высказывать свои возражения.

3. Все права обвиняемого, составляющее его комплексное право на защиту, должны быть четко обозначены в статье 47 УПК РФ. Только тогда исполнение органом расследования своей обязанности по разъяснению обвиняемому его прав, будет действительно действенным и эффективным. Наряду с этим в ст. 47 УПК РФ должны также отражаться процессуальные обязанности, возлагаемые на обвиняемого и меры уголовно-процессуального принуждения, обеспечивающие их исполнение.

4. Реализация обвиняемым своего права на защиту всегда должна осуществляться добровольно, без какого-либо принуждения со стороны государственных органов или адвокатов. Даже в случаях обязательного участия адвоката, гарантированного уголовно-процессуальным законодательством, у

обвиняемого остается право отказаться от его участия, если этот отказ выражается им добровольно и не может вызвать ограничение или ущемление прав и свобод обвиняемого. Задача следователя и суда при рассмотрении заявленного обвиняемым отказа от участия защитника, убедиться в добровольности заявленного отказа и отсутствии каких-либо обстоятельств, которые бы повлияли на волю и желание обвиняемого.

5. Можно отметить, что «двойная защита» в современном российском уголовном судопроизводстве скорее негативный, чем конструктивный шаг. Конституционный Суд РФ в своем постановлении пытается решить проблему злоупотребления адвокатами права на защиту, за счет ограничения, а если точнее, полного лишения обвиняемого его права на помощь защитника. Создается ситуация, когда проблемы организации адвокатского сообщества решаются посредством ограничения прав обвиняемых и подозреваемых: злоупотребляет полномочиями адвокат, а ограничиваются права у его подзащитного.

Полагаем, что решение этих вопросов должно быть принципиально иным. Например, следует ужесточить ответственность адвокатов за любые попытки злоупотребления своими полномочиями. Если неявка защитника связана с большим количеством уголовных дел, принятых им к своему производству, следует рассмотреть вопрос об ограничении количества уголовных дел, в которых адвокат может участвовать в качестве защитника. Эти и другие подобные меры смогут предупредить недобросовестное поведение адвокатов, не нарушая права и свободы обвиняемых и подозреваемых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Нами было исследовано правовое регулирование процессуального статуса подозреваемого в Российской Федерации. Изучив труды видных ученых-процессуалистов и уголовно-процессуальное законодательство, мы сформулировали собственное определение таким понятиям, как подозреваемый (в широком и узком смыслах), подозрение. Необходимо отметить важность правовой категории «подозрение» как основания для наделения лица процессуальным статусом подозреваемого, применения к нему мер процессуального принуждения, в том числе мер пресечения, а также как гарантии законного и обоснованного ограничения его прав и законных интересов в рамках уголовного преследования. В связи с этим мы предлагаем закрепить понятие «подозрение» в уголовно-процессуальном законе и пункт 22.1 статьи 5 УПК РФ изложить в следующей редакции:

Подозрение – предположение должностного лица органов предварительного расследования, основанное на сведениях, имеющихся в уголовном деле и сформулированное в процессуальном документе (постановлении или протоколе), о совершении преступления конкретным лицом.

Наличие термина «подозрение» даст основание для обоснованной реализации уведомления о подозрении, направляемого в ходе дознания. Практика показывает, что зачастую дознаватель оперирует термином «подозрение» при составлении данного документа, однако юридически данного термина не существует. При этом формально уведомление о подозрении не имеет закреплённого в законе основания вынесения в отношении конкретного лица. При закреплении данного термина, дознание и следствие будут обоснованно применять данный термин в процессуальных документах, что не вызовет вопросов при их обжаловании.

Также нами исследовано понятие процессуального статуса подозреваемого в конституционно и формально-юридическом смысле. Выявлено, что главное отличие между данными статусами заключается в степени сформированности подозрения. Так, если в отношении подозреваемого в конституционном смысле отсутствует сформированное подозрение, но уже осуществляется уголовное преследование (что и детерминирует необходимость наделение лица правами подозреваемого) с целью его формирования, то в отношении подозреваемого в формально-юридическом смысле оно уже существует и отражено в соответствующем акте.

2. Кроме этого, для комплексного исследования поднятой автором темы им был изучен зарубежный опыт определения статуса подозреваемого. В частности, законодательство таких стран, как ФРГ и Италии. Автором выявлено, что в нормативно-правовых актах указанных стран отсутствует понятие «подозреваемый». Однако, оно компенсируется либо за счет аналогичных понятий (в уголовном процессе Италии присутствует аналог подозреваемого – подследственный), либо за счет детально проработанного законодательства в области института подозрения (немецкое законодательство).

Специфическим отличием от российских уголовно-процессуальных норм является то, что в немецком законодательстве присутствует институт подозрения, в процессе реализации которого подозреваемому лицу предоставляются и гарантируются широкие права, принадлежащие обвиняемому, на самом раннем этапе производства по уголовному делу. Для признания лица обвиняемым не требуется вынесения специального решения - достаточно проведения допроса обвиняемого в соответствии со статьей 136 УПК ФРГ, перед началом которого лицу разъясняется существо подозрения, а также его процессуальные права и обязанности. На наш взгляд, выявленные отличия носят положительный характер в следующих аспектах: во-первых, лицу, подозреваемому в совершении преступления, предоставляется и гарантируется широкий спектр прав, во-вторых, отсутствие в УПК ФРГ института привлечения лица в качестве обвиняемого, но закрепленного в

российском уголовно-процессуальном законодательстве, может привести к экономии времени следователя (дознателя), тем самым происходит расширение временных рамок для сбора доказательственной базы по уголовному делу.

Уголовно-процессуальный закон Италии в статье 61 определяет, что права обвиняемого, который появляется в уголовном процессе лишь по окончании досудебного производства, также принадлежат подследственному. Таким образом, рассмотренная норма уголовно-процессуального закона Италии позволяет обеспечить лицо, чья причастность проверяется, правом на защиту, а также иными гарантиями, которые имеются у обвиняемого. По нашему мнению, применение подобной процедуры в российской правоприменительной практике будет носить положительный характер и не будет противоречить установленным УПК РФ нормам.

3. В работе проведено исследование международно-правовых норм и стандартов по обеспечению прав обвиняемого и выявлены моменты их отражения в отечественном законодательстве. Так, правовому статусу обвиняемого, в том числе в части закрепления его прав и гарантий, уделено большое внимание во многих международных актах, поскольку данная фигура, являясь центральной фигурой уголовного процесса, наиболее уязвима с точки зрения необоснованного и незаконного ущемления и поражения его прав и свобод. Таким образом, в ходе сравнительного исследования нами было выявлено, что наиболее опосредовано реализовано право обвиняемого на допрос лица, показывающего против него.

Мы считаем, что существует необходимость изменения формулировки ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ. Так, согласно части 2.1 ст. 281 УПК РФ, в судебном заседании могут быть оглашены показания свидетеля или потерпевшего, данные ими в ходе предварительного расследования, при условии предоставления обвиняемому в предыдущих стадиях производства, возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Учитывая, что законодатель не определяет специальный механизм

оспаривания таких показаний, в правоприменительной деятельности этот вопрос понимается как право обвиняемого на допрос показывающих против него участников процесса. Учитывая, что в этом случае речь идет об экстраполяции конвенционального права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей, права на вызов и допрос этих свидетелей в суде, правильнее говорить не о возможности обвиняемого, а о его праве, которое должно быть четко закреплено в законе. Поэтому следует изменить формулировку части 2.1 ст. 281 УПК РФ, заменив слово «возможности» на слово «права», а также дополнить перечень процессуальных прав обвиняемого, содержащийся в ст. 47 УПК РФ, отдельным пунктом, закрепляющим право обвиняемого оспаривать доказательства стороны обвинения в форме участия в очных ставках, задавать вопросы участникам, дающим против него показания и высказывать свои возражения, что в конечном итоге станет механизмом оспаривания по уголовному делу.

4. Отдельное внимание в выпускной квалификационной работе уделено институту «двойной защиты» в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации, под которым понимается одновременное осуществление защиты обвиняемого защитником по соглашению и назначению.

Однако автор пришел к такому мнению, что данная защита имеет в большей степени негативное отражение, чем позитивное. Конституционный Суд РФ в своем постановлении пытается решить проблему злоупотребления адвокатами права на защиту, за счет ограничения, а если точнее, полного лишения обвиняемого его права на помощь защитника. Создается ситуация, когда проблемы организации адвокатского сообщества решаются посредством ограничения прав обвиняемых и подозреваемых: злоупотребляет полномочиями адвокат, а ограничиваются права у его подзащитного.

Полагаем, что решение этих вопросов должно быть принципиально иным. Например, следует ужесточить ответственность адвокатов за любые попытки злоупотребления своими полномочиями. Эти и другие подобные меры смогут предупредить недобросовестное поведение адвокатов, не нарушая права и

свободы обвиняемых и подозреваемых.

5. Говоря о практическом применении норм уголовно-процессуального законодательства, мы видим, что проблематичным является момент возникновения в уголовном процессе подозреваемого при его задержании. По нашему мнению, необходимо обратить внимание на предложение В.И. Руднева ввести в уголовно-процессуальное законодательство термин «задержанный». На наш взгляд, оно соответствует положениям Конституции РФ, где понятие «задержание подозреваемого» не предусмотрено. Как известно, задержание лица по подозрению в совершении преступления, возможно только при наличии возбужденного уголовного дела. Однако, на практике нередки случаи, которые требуют задержания лица в тот момент, когда уголовное дело еще не возбуждено, такая процедура именуется «фактическое задержание».

Таким образом, при фактическом задержании лица на месте совершения преступления или после его совершения, когда не принято еще решение о возбуждении уголовного дела, данное лицо корректнее именовать «задержанным», а не «подозреваемым». Данное предложение обосновывается также тем, что в случаях, фактического задержания лица на иных основаниях, предусмотренных п. 2 и п.3 ч.1 статьи 91 УПК РФ, в случае отсутствия постановления о возбуждении уголовного дела, так как лицо пребывает в юридически незакрепленном статусе до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Однако введение предложенного института потребует создания нового процессуального статуса лица в уголовном судопроизводстве со своими правами и обязанностями, разработка которых, с нашей позиции, должна осуществляться в рамках последующих исследований. Но в то же время введение предложенного статуса позволит минимизировать ущемление прав лиц, задерживаемых «по приметам», которые доставляются к следователю, дознавателю для проверки их причастности к совершенному преступлению.

Подводя итог всему высказанному, можно сделать вывод о том, что поставленная цель, которая состояла в исследовании особенностей

процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве, достигнута в полном объеме.

Перспективы реализации предложений на практике состоят в минимизации нарушения прав лиц, привлекаемых в качестве подозреваемых и обвиняемых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законы, нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Российская газета. - № 237. – 25.12.1993.
2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Российская газета. - № 67. – 05.04.1995.
3. О гражданских и политических правах: Международный Пакт от 16.12.1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 12. – 1994.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. № 51-ФЗ: по состоянию на 09 марта 2021 г. // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. - № 32. – Ст. 3301.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. № 174-ФЗ: по состоянию на 28 мая 2021 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
6. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 2. – февраль, 2014.
7. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 9. – сентябрь, 2015.

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Абесалашвили М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 196 с.
2. Барабанов П.К. Уголовный процесс Италии: научно-практическое пособие. – М.: «Спутник+», 2019. – 461 с.
3. Бойлке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник. – Красноярск. 2004. – 314 с.
4. Власенко В.С. Основания признания лица подозреваемым в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2008. – 29 с.
5. Головки Л.В. Курс уголовного процесса: учебник. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
6. Головнеков П.Н., Спица Н.Е. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ: научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Постдам: Постдамский университет, 2014. – 408 с.
7. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. – М.: Проспект, 2017. – 548 с.
8. Ермишина Н.С. Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 26 с.
9. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник. – М.: Проспект, 2020. – 529 с.
10. Луцик В.В. Уголовный процесс зарубежных стран: монография. – М.: Проспект, 2018. – 212 с.
11. Сборник материалов к конференции «Двойная защита и удаление адвоката из судебного процесса: проблемы законодательного и этического регулирования». – М.: Федеральная палата адвокатов, 2019. – 200 с.
12. Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 36 с.

13. Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2008. – 29 с.
14. Чеботарева И.Н. Обвиняемый в стадии предварительного расследования современного российского уголовного процесса: статус, гарантии прав и законных интересов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2004. – 26 с.
15. Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право: учебник в 3-х томах. Т. 1: Общие положения. – М.: ИД МПА-Пресс, 2012. – 384 с.
16. Шредер Фридрих-Кристиан, Ферелл Торстен. Уголовно-процессуальное право Германии = Strafprozessrecht: пер.с нем. – М: Инфотропик Медиа, 2016. – 184 с.

Статьи, научные публикации

1. Ахметшин Р.Э. Проблемы понятия «подозреваемый» в уголовном процессе / Р.Э. Ахметшин // Ученые заметки ТОГУ. – 2014. – Т. 5. – № 4. – С. 527-530.
2. Быков В.М. Подозреваемый в уголовном процессе РФ / В.М. Быков // Правосудие. – 2018. – № 3. – С. 22-24.
3. Грохотова Е.А. Подозреваемый в уголовном процессе России / Е.А. Грохотова // Уголовно-процессуальный Кодекс РФ: 15 лет правоприменения. – Курск, 2016. – С. 53-56.
4. Давлетов А.В. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России / А.В. Давлетов // Уголовный процесс. – 2008. – № 5. – С. 41-44.
5. Коблева М.М. Процессуальные права обвиняемого в уголовном процессе / М.М. Коблева // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 23-28.

6. Лагуткина Н.Б. Процессуальный статус обвиняемого в уголовном судопроизводстве России /Н.Б. Лагуткина // Научный журнал «Аллея Наук». – 2019. – № 1. – С. 12.
7. Михайлова Т.Н. Проблемные аспекты определения понятия «обвиняемый» в уголовном судопроизводстве России / Т.Н. Михайлова // Вестник СГУ. – 2016. – № 3. – С. 47.
8. Михеев В.М. О процессуальном статусе обвиняемого в уголовном судопроизводстве /В.М. Михеев // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 3(6). – С. 70-75.
9. Насонова И.А. Об эффективности участия защитника в следственных действиях /И.А. Насонова // Российский следователь. – 2008. – № 23. – С. 10-12.
10. Пимонов Б.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика / Б.В. Пимонов// Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 31-38.
11. Плошкина Я.М. Подозрение в немецком уголовном процессе /Я.М. Плошкина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 2. – С. 96-98.
12. Плошкина Я.М. Учение о подозрении в уголовных процессах Германии и России /Я.М. Плошкина // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т.5. – № 1. – С. 40-42.
13. Полстовалов О.В. Очная ставка: непрозрачные перспективы, неэффективная тактика и сомнительная польза /О.В. Полстовалов // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 127-130.
14. Пономаренко С.И. Понятие подозреваемого в уголовном процессе России /С.И. Пономаренко // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 34-38.
15. Пономаренко С.И. Современное содержание статуса подозреваемого в уголовном процессе РФ /С.И. Пономаренко // «Символ науки». – 2015. – № 9. – С. 119-124.

16. Потемкин И.Ю. К вопросу о гарантиях права обвиняемого на оспаривание показаний свидетеля и потерпевшего /И.Ю. Потемкин // Российские исследования в области права и политики. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 43-50.
17. Прибыткова И.В. Обеспечение права на неприкосновенность жилища обвиняемого и законность вторжения в него /И.В. Прибыткова// Достижения науки и образования. – 2018. – № 19 (41). – С. 50-55.
18. Романов С.В. Право подозреваемого и обвиняемого на защиту: пределы осуществления, возможность и последствия злоупотребления /С.В. Романов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2008. – № 4. – С. 14-37.
19. Россинский С.Б. Очная ставка как предварительная процессуальная гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство /С.Б. Россинский // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 152-155.
20. Рудин А.В. Проблемы признания лица подозреваемым в уголовном процессе / А.В. Рудин // Аллея наук. – 2018. – № 4. – С. 14-17.
21. Солодкая В.И. О роли международно-правовых норм и стандартов как средства правового регулирования процессуального положения обвиняемого /В.И. Солодкая // Юрист-Правоведь. –2018. – № 2. – С. 101-104.
22. Солодкая В.И. Обеспечение права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения /В.И. Солодкая // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (84). – С. 74-78.
23. Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения /Е.В. Сопнева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7(44). – С. 1474-1476.
24. Сопнева Е.В. К вопросу об обязанностях подозреваемого в уголовном процессе /Е.В. Сопнева // Общество и право. – 2010. – № 5 (32). – С. 189-192.

25. Сопнева Е.В. Определение подозреваемого лица в уголовном процессе: современное и возможное состояние /Е.В. Сопнева // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 74-77.
26. Стукалин В.Б. Обвиняемый в российском уголовном процессе: понятие и сущность /В.Б. Стукалин // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 84-87.
27. Эсендилов М.В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого /М.В. Эсендилов // Мудрый юрист. – 2019. – № 1. – С. 79-82.
28. Юношев С.В. О соотношении права обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь и права на защиту /С.В. Юношев // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 2 (33). – С. 52-56.
29. BverfG 2 BvR 27/04 (3. Kammer des Zweiten Senats) – Beschluss vom 8. März 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/bverfg/04/2-bvr-27-04.php> (Дата обращения: 25.05.2021).
30. BverfG 2 BvR 31/19, 2 BvR 886/19 (3. Kammer des Zweiten Senats) - Beschluss vom 20. November 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/bverfg/19/2-bvr-31-19.php> (Дата обращения: 15.05.2021).
31. BverwG 6. Senat 6 AV 7/19. - Beschluss vom 10. Juni 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rechtsprechung-im-internet.de/jportal/portal/t/19ke/page/bsjrsprod.psmlfocuspoint> (Дата обращения: 15.05.2021).
32. Codice di procedura penale: Decreto del presidente della Repubblica 22 sep. 1988. № 447 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.polpenuil.it/attachments/048_codice_di_procedura_penale.pdf (Дата обращения: 15.05.2021).
33. Paolo Pittaro. La conoscibilita dell' accusa nel procedimento penale: Dottorato di ricerca in scienze penalistiche. – Trieste, 2010. – P. 108.

34. Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren: vom 1. Januar 1977 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.verwaltungsvorschriften-im-internet.de/bsvwvbund_01011977_420821R5902002.htm (Дата обращения: 15.05.2021).
35. Strafprozeßordnung: In der Fassung vom 07.04.1987. S. 1319 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/StPO> (дата обращения: 15.05.2021).
36. Strafprozeßordnung: In der Fassung vom 07.04.1987. S. 1319 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/StPO> (Дата обращения: 15.05.2021).

Эмпирические материалы

1. Девеер (Deweer) против Бельгии (жалоба № 6903/75): Постановление ЕСПЧ от 27.02.1980 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 301-317 (Извлечение).
2. Дело «Гусинский (Gusinskiy) против Российской Федерации (жалоба № 70276/01) «По делу обжалуется незаконное заключение под стражу заявителя. По делу допущено нарушение статьи 5 и статьи 18, взятой в совокупности со ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»: Постановление ЕСПЧ от 19.05.2004 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2005. – № 2. – С. 62.
3. По делу Кушта (Kuchta) против Польши (жалоба № 58683/08) По делу обжалуется постановление приговора на основании показаний других подсудимых по делу в отсутствие возможности очной ставки со свидетелями. По делу были нарушены требования подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»: Постановление ЕСПЧ от 23.01.2018 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2018. – № 7.

4. Дело «Фефилов (Fefilov) против Российской Федерации (жалоба № 6587/07): Постановление ЕСПЧ от 17.07.2018 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2019. – № 9.
5. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 5. – 2000.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 г. № 473-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58387/ .
7. По запросу Абинского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности положений статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и по жалобам граждан Фомина Дмитрия Евгеньевича, Шуленкова Александра Николаевича и Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение их конституционных прав положениями той же статьи: Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2006 г. № 548-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 3. – 2007.
8. По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 г. № 28-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 5. – 2019.
9. Определение Верховного Суда РФ от 27.04.2009 г. № 4-о09-43СП. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=119628#0062017463922212634> .

10. Определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2010 г. по делу № 2-10/10 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/TCBxppgiLsg/> .
11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2019 г. № 19-УД19-4. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=583570#002391073182605008> .
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 2016 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 11. – ноябрь, 2016; № 12. – декабрь, 2016.
13. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.07.2016 г. № 92-АПУ16-6СП. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=460643#05385167051817814> .
14. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 26.03.2019 г. № 22к-2579/2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=242849#008379869226658854> .
15. Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 10.04.2019 г. по делу № 44У-56/2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=423730#038459718439183943> .

Справочная литература

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2018. – 1084 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим. 2010. – 486 с.